

ПРИНЦЕССА КРОВИ

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дмитрий Валентинович Агалаков
Принцесса крови
Серия «Исторические приключения (Вече)»
Серия «Принцесса крови», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079740
Принцесса крови: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7668-0

Аннотация

Жанна д'Арк... Легенда о «пастушке» родилась в XIX веке, на гребне очередной революционной волны во Франции, когда буржуазия всячески противилась возвращению на политическую арену аристократии. Таковой Жанну и причислили к лику святых в 1920 году. Но в современных энциклопедиях по Средневековью все чаще появляется альтернативная версия. А именно, что Жанна была принцессой – родной дочерью герцога Людовика Орлеанского и королевы Франции Изабеллы Баварской. И что жизнь ее сложилась далеко не так, как нам предлагает официальная история.

В этот круговорот событий и погружает нас новый историко-приключенческий роман Дмитрия Агалакова «Принцесса крови, или Подлинная история Жанны д'Арк – Девы Франции». Роман состоит из двух книг: «Цветок Лилии» и «Полет орлицы». Цепь событий начинается с первых дней рождения Жанны в парижском дворце Барбетт, включая все ее грандиозные походы, до дня истинной смерти в 1449 году, случившейся на восемнадцать лет позже, чем заявлено традиционной историей.

Содержание

Пролог. Тайна крови	5
Часть первая. Смутные времена	13
Часть вторая. Азенкур	42
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Агалаков

Принцесса крови

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Агалаков Д. В., 2015

© ООО «Издательский дом «Вече», 2015

* * *

«...При жизни ее никто не называл Жанной д'Арк, но знали великую героиню как Жанну, Орлеанскую Деву или Девственницу Франции.

Вопреки официальной легенде Жанна д'Арк выросла не в крестьянской семье. Жак д'Арк, вошедший в историю как ее отец, а также Изабелла де Вутон по прозвищу Римлянка, звавшаяся ее матерью, были выходцами из старинных рыцарских фамилий, сильно обедневших, как и сотни других, в результате кровопролитной и разорительной Столетней войны¹.

Представ перед королевским двором в Шиноне, Жанна, по свидетельству ее современников, держалась с королевским достоинством, предпочитала дорогие туалеты, будь то мужское платье или женское, была хорошей наездницей и прекрасно владела рыцарским оружием. Герб Жанны, подаренный ей лично королем Франции Карлом VII, был исключительной привилегией тех, в ком текла кровь Капетингов-Валуа. Если королевский герб украшали три золотых трилистника на лазоревом поле, то на гербе Жанны вместо средней лилии был меч, направленный острием вверх и пронзавший корону².

Во время военных действий Жанне Девственнице беспрекословно подчинялись принцы крови и первые аристократы Франции, и у нее единственной, наравне с королем, существовало священное право помилования. На коронации Карла Валуа в Реймсе только штандарт Девственницы получил право находиться на хорах собора.

В плену, находясь под судом инквизиции, Жанна не подвергалась пыткам, как прочие враги англичан и послушной ей церкви, обвиненные в ереси и колдовстве. А ведь это могло изменить ход процесса, в конце концов провалившегося, в пользу врагов французской героини.

И наконец, никто и никогда не видел, как была сожжена Жанна Девственница. На лицо женщины, под ее именем преданной огню в Руане 30 мая 1431 года, был надвинут капюшон, а сверху одет тесный черный колпак...»

---

¹ В былые времена тот и другой род мог похвастаться брачными с крупными аристократическими фамилиями французского королевства, например герцогами Бургундскими и графами д, Армуаз. Более того, в первой четверти пятнадцатого столетия, ко времени взросления Жанны, ряд выходцев из разветвленной фамилии д'Арков успешно служили при французском королевском дворе на значимых и лестных постах, вплоть до советника (Ивон д'Арк) при дофине Луи, скончавшемся в 1415 году, прежде, чем он смог унаследовать французский престол; камергера того же дофина и советника Карла VI Безумного (Гийом д'Арк), а также камергера упомянутого Карла VI (Рауль д'Арк). Жан д'Арк (родной брат Жака д'Арка, человека, называвшего себя отцом Девственницы) служил на должности королевского землемера лесов французского края. Понятно, что ни о каких «землепашах» говорить в связи с этим не приходится.

² Этот герб был официально подарен Жанне Девственнице 4 июня, еще за полтора месяца до коронации Карла Валуа в Реймсе (!). После ее смерти он никогда не принадлежал никому из родственников Жанны по линии д'Арков. Сравните пять гербов: королей Франции; принцев крови, герцогов: Орлеанских, Алансонских и Анжуйских; и герб Жанны д'Арк, которую официальная история выдает за «крестьянку». На всех пяти гербах золотые лилии на лазоревом поле, говорящие об одной крови их общих предков.

Пролог. Тайна крови

За гордого принца сошла бы, а не за простую пастушку!
Мартен Ле Фран,
секретарь Амедея VIII Савойского.
Поэма «Защитник Дам».

1

Четвертого марта 1429 года в час пополудни к крепости Шинон, разросшейся тремя мощными замками на скалистом отроге, над притоком Луары – Вьенной, подъехал хорошо вооруженный отряд из шести всадников. От мокрого снега с дождем их спасали длинные плащи и капюшоны. Бледно сверкали наручи и поножи воинов, кирасы и шлемы.

Все три замка – форт св. Георгия, Срединный замок и замок Кудрэ, – построенные в разное время, объединяли зубчатые стены, оттого крепость казалась гигантской, которую и взглядом охватить было трудно. Когда-то именно здесь умер Ричард Львиное Сердце, а позже томились плененные тамплиеры, ожидая страшной расправы. Уже издалека Шинон приковывал взоры путников, а подъехавшим ближе, высокими мрачными башнями, под низким, еще зимним небом, он внушал самое глубокое почтение.

Не всякое войско решится осадить такую крепость, а взять и подавно!

Потому дофин Карл, однажды бежав из Парижа от ненавистных бургиньонов, вот уже несколько лет как обосновался со своим двором в этой неприступной цитадели. И хотя новой столицей его государства был город Бурж, отчего и прозвали дофина «Буржским королем», именно из Шинона руководил он своей частью Франции, пока еще свободной от англичан.

Всадники подъехали к сторожевой башне, которую соединял с крепостью, над глубоким рвом, подъемный мост; один из рыцарей направил коня к самым ее воротам, три раза ударил в них боевым молотом. Другой всадник, что был помоложе, оторвался от отряда и крикнул:

– Эй, стража! – его быстрый и нетерпеливый конь гарцевал перед воротами башни. – Именем короля!

Между зубцами башни показалась верхушка алебарды и голова в шлеме.

– Кто вы? – с высоты хмуро спросил стражник.

– Там есть капитан де Брессар? – спросил тот из всадников, что был помоложе.

– Капитан де Брессар сдал свою вахту, – сказал стражник. – Заступил капитан де Ковальон.

– Я королевский гонец Колле де Вьенн! Мы прибыли из крепости Вокулёр. Позови своего начальника!

– И поживее, солдат! – грозно проговорил рыцарь, вооруженный молотом, отъезжая от ворот. Теперь он тоже смотрел вверх. – Если тебе дороги твои уши!

Последняя фраза заставила стражника поспешить за своим командиром. Если гости так самоуверенны, значит, на то есть причины. Тем более, кто прикрывается «именем короля». Солги такой смельчак, его ждет суровое наказание. Через несколько минут в проеме бойниц уже было три головы.

– Кто вы и откуда? – спросил на этот раз другой голос.

– Ковальон! – задрал голову, крикнул всадник помоложе, на быстром коне. – Это я, Колле де Вьенн! Со мной офицеры Робера Бодрикура, капитана Вокулёра: рыцарь Жан де

Новелонпон и рыцарь Бертран де Пуланжи. С нами Дама Жанна. Открывай же ворота! Мы почти две недели не слезили с лошадей! Его величество ждет нас.

На башне произошло движение. И вот уже спустя минут пять открывались ворота сторожевой башни. Путников встречала присмирившая стража.

– Де Вьенн! – радостно воскликнул капитан. – Вот так встреча... – Но глаза его уже искали другого всадника. – Дама Жанна, она и впрямь с вами?

– Да, капитан, она здесь, – звонким голосом ответил один из всадников с опущенным на лицо капюшоном. – И она будет вам благодарна, если вы как можно скорее пропустите нас.

Всадник, которого назвали «Дамой Жанной», стащила с головы капюшон. Капитан жадно всматривался в облик наездницы, не меньший интерес был и на лицах стражников. Дерзкое девичье лицо открылось им, в крайней степени утомленное, бледное, короткая стрижка темных волос.

– Мы смертельно устали, Ковальон, – сказал Колле де Вьенн. – Это был самый тяжелый путь в моей жизни. Честное слово! И самый опасный. Мы и впрямь будем благодарны тебе, если монсеньер де Гокур как можно скорее узнает о нашем приезде.

– Сейчас опустят мост и я сам провожу вас, – сказал де Ковальон. – Дама Жанна позволит держать ее стремя?

– Будьте так любезны, капитан, – вежливо ответила та.

Вскоре мост был опущен, ворота открыты. Восемь всадников въехали в мирно гудевшую Шинонскую крепость.

2

Редко в какие дни парадная зала Шинона в замке св. Георгия освещалась так ярко и тепло. Не меньше сотни факелов пылало на ее стенах. Весь двор «Буржского короля» собрался здесь в этот вечер.

За окнами замка давно стемнело. Верно, эти освещенные окна притягивали взоры путников, у которых не было в этот час тепла и крова.

В этот день рыцари с радостью забыли про свои доспехи, они им были не нужны. Многочисленные дворяне из свиты короля предпочли обременительной и столь надоевшей во время нескончаемых военных действий броне яркие приталенные кафтаны из парчи с меховой оторочкой, с дутыми плечами и пышными рукавами, узкими на запястьях, и штаны ми-парти³, цвета которых могли указать на родовые гербы или гербы их сюзеренов. Правда, некоторые из мужчин не забыли о мечах, вложенных в роскошные ножны, но большинство обходилось длинными дорогими кинжалами у пояса. Колыхались яркие шелковые платья дам, достигающие до самого пола, обтекали талию и тесно сковывали их плечи одетые поверх платья и подбитые мехом сюрко; широкие рукава их одежд были похожи на крылья больших птиц, а головы дам украшали тяжелые и пышные прически из хитро сплетенных кос над ушами; унизированные золотыми и серебряными нитями, они походили то на бараньи рога, то на гигантские сердца. Высокие складчатые воротники кавалеров и дам что есть сил вытягивали шеи и подпирали, точно лепестками распустившихся роз, подбородки. Сапоги тех и других, сшитые из мягкой кожи, вытаптывали ковры, устилавшие просторную залу. Обувь стреляла вперед длинными носами или давала последним безжалостно закругляться вверх – и то, и другое было в моде и считалось привилегией знати.

---

³ Ми-парти – двухцветная мужская одежда. Появилась в XII веке и была тесно связана с феодальной геральдикой. Разделялась в соответствии с цветами герба по вертикали. Изначально ми-парти носила молодежь, особенно часто – пажи, чтобы все видели, какому сеньору они служат. Получила особенно широкое распространение в период готики.

Слуги подавали вино в серебряных кубках, извлеченных из дорогих резных буфетов. В зале стоял легкий возбужденный гул, предвестник большого торжества.

– День рождения его величества, что мы праздновали накануне, и то отмечалось с меньшим шиком, – заметил Жорж Ла Тремуй, фаворит короля и его советник, подходя к Раулю де Гокуру, первому камергеру Короны и губернатору Шинона. – Вы не находите?

– Считайте, что это всего лишь продолжение праздника, – откликнулся тот. – Король на то и король, чтобы позволять себе такие малости.

– Интересно, она и впрямь заслуживает такого внимания? – точно сам с собой рассуждал Ла Тремуй. – Одно дело, подкупить своим красноречием приходского священника и коменданта провинциальной крепости, и другое – справиться с целым двором. Что вы об этом думаете, де Гокур?

– Ответ на ваш вопрос мы узнаем с минуты на минуту.

Ла Тремуй вздохнул:

– О да. С минуты на минуту. Только, боюсь, если Дама Жанна окажется не орлицей, а жаворонком, орлеанцы не простят нам ошибки. Ведь они ждут Афины-Палладу, не меньше. И ждут как манны небесной!

Помолчав, Рауль де Гокур сказал:

– Если чего орлеанцы и не простят нам, так это глухоты и слепоты, монсеньер. Жаворонком или орлицей, но они должны увидеть Жанну Девственницу. И они ее увидят.

Оба вельможи не испытывали симпатий друг к другу. Тем не менее они разулыбались и, не сговариваясь, стали следить за королем. Карл Валуа сейчас что-то шептал на ухо своей очаровательной жене, Марии Анжуйской, – улыбочивой, молодой, беззаботной. Шептал и время от времени смотрел на двери. Его волнение не могло укрыться от взглядов опытных придворных – Рауля де Гокура и Жоржа Ла Тремую.

– Я беспокоюсь за его величество, – обронил Ла Тремуй. – Королева Иоланда, да хранит ее святой Михаил, так тесно окружила его заботами, связанными с приездом Дамы Жанны, что король вот уже которую неделю бледен. На наше горе он просто изводит себя этими новостями. Глядя на государя, я и сам стал хуже спать.

– Не знаю, вернет ли приезд Девы Жанны ваш сон, монсеньер, – вежливо заметил де Гокур. – Но, держу пари, что он вернет румянец на щеки его величества.

Не сводя глаз с короля, Ла Тремуй поднял брови:

– Вы так думаете? Дай-то Бог, дай-то Бог...

Рауль де Гокур, первый камергер Короны и губернатор Шинона, опасался Ла Тремую, потому что знал: тот способен на любую подлость. Не так давно Ла Тремуй добился от короля опалы коннетабля Артюра де Ришмона, своего недавнего покровителя, приблизившего его ко двору. В свою очередь, первый министр и первый хитрец «Буржского королевства» не доверял де Гокуру и побаивался его, так как тот был храбрым рыцарем и ему благоволила теща короля. Иоланда Арагонская, дама, выкованная из стали, являлась последним оплотом, мешавшим Ла Тремую окончательно подчинить себе молодого и нерешительного монарха. Несмотря на то что вельможи терпеть не могли друг друга, как наиболее влиятельным при дворе людям, им приходилось ладить. А иногда даже заигрывать с противником.

Они заметили одновременно, что король, оставив молодую жену, идет к ним через залу.

– Государь, – кланяясь, почти хором пропели Ла Тремуй и де Гокур, стоило королю подойти к ним.

– Сердце мое радуется, когда я вижу вас за мирной беседой, – сказал король. – Надеюсь, вы решаете важные государственные вопросы?

– О да, ваше величество, – ответил де Гокур. – Мы с монсеньером Ла Тремую подумывали над тем, не увеличить ли нам гарнизон Шинона на треть?

Король поднял брови и перевел взгляд на Тремую.

– Хотя бы на четверть, ваше величество, – сказал тот.

– Думаю, четверти хватит, – рассеянно улыбнулся король.

И тотчас обернулся на двери в глубине залы. Среди двора пробежало волнение, все смотрели именно туда. Сердце Карла Валуа сжалось – Жанна?! Нет... В двери вошла королева Иоланда, его теща, в сопровождении двух фрейлин.

– Хитрецы, – мельком взглянув на де Гокура и Ла Тремуя, также рассеянно пробормотал Карл. – Какие же вы хитрецы...

...Вчерашняя ночь так славно начиналась! Они отужинали с Марией наконец-то одни, прогнав всех. Потом были вместе на брачном ложе. Он знал ее еще девчонкой – маленькой кареглазой южанкой, в фехтовальных залах дворца ее матери грациозно выставившей руку с деревянным мечом вперед и требовавшей поединка. Он почти всегда поддавался ей. Наверное, потому что она была моложе его на три года и, как девочка, слабее. Мария из рода Анжу, маленькая дама, принцесса. А может быть, и потому, что поединки в отличие от других сверстников мало увлекали его.

Марии было семнадцать, когда они обвенчались. Она выросла в его объятиях, становилась женщиной. Он в ее объятиях мужал. Теперь, в свои двадцать пять лет, Мария расцвела полным цветом. Она была чувственна и нежна; обольстительна, когда добивалась своего. И теперь, промозглой мартовской ночью, у гигантского камина, он лежал в ее объятиях, на широкой постели, в меховых и шерстяных покрывалах, и Мария отвечала на его ласки.

Карл Валуа знал, что был некрасив, но женщины обязаны всем сердцем любить короля, каким бы он ни был, и всем своим естеством желать с ним близости! Он знал, что двор считает его заносчивым и капризным, но он король, а двор – всего лишь часть его государства! Буржский король знал, что иные про себя называют его «слабаком», а некоторые – «трусом», но не сносить головы тем, кто однажды осмелится произнести это вслух...

В дверь поскреблись. Это был его спальничий, виконт де Сёр. Через дверь он осторожно сообщил, что пришло письмо от Дамы Жанны – она в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа и к полудню будет в Шиноне. Карл Валуа спрыгнул с постели и, набросив халат, открыл дверь. Он с самого начала боялся этой затеи – вызывать Жанну в Шинон. И если бы не Иоланда Арагонская, его теща, то не пошел бы на эту авантюру. Но дело было сделано. Он распечатал письмо и немедленно прочел его. Жанна просила его крепиться и верить в нее. Верить! Карл Валуа оделся, схватил факел и, оставив Марию, устремился по коридорам. «Прочь! – кричал он слугам, старавшимся не упустить его из виду, услужить ему. – Прочь!» Волной нахлынувшего чувства его вынесло в парадный зал, где все еще тлели угли в гигантском камине. Там его, закутавшегося в шубу, в кресле, и застала Иоланда Арагонская. Она тоже просила оповестить ее сразу, как только появится весточка от Жанны.

Царственная теща встала за его спиной, положила руки ему на плечи. Она знала подходы к зятю, который втайне всего боялся и всех подозревал, но старался всеми силами скрыть это.

– Я знаю, мой мальчик, ты опасаясь ее, ведь все вокруг толкуют, что она – ясновидящая, – проговорила за его спиной Иоланда. – Ты терзаешься мыслью, кого она увидит в тебе – наследника престола или другого человека. Того, кого боишься ты сам. Но задайся вопросом, Карл: зачем она так стремится в Шинон? Почему везде и всюду твердит о том, что ты – истинный король Франции и должен быть коронован в городе, где был коронован великий Хлодвиг? Не потому ли, что кроме тебя никто этого не достоин? Если Господь Бог и впрямь вкладывает в ее уста свою волю, ты должен только радоваться этому. Значит, ты – настоящий избранник.

Королева обошла кресло, встала у огня, сцепив руки. Тесный складчатый воротник, широкий у подбородка, делал посадку ее головы такой прямой и монументальной, точно она была статуей. Но лицо Иоланды, почти всегда – властное и невозмутимое, сейчас было мяг-

ким. Пальцы королевы тесно увивали перстни, она протянула руки к огню, и камни вспыхнули цветными огнями. Карл не сводил с нее глаз. Не так давно Иоланде исполнилось сорок восемь лет. Говорили, в молодости она была ослепительной красавицей: герцог Анжуйский, едва увидев ее, полу-испанку, полуфранцуженку, сразу влюбился.

Иоланда Арагонская обернулась к зятю.

– А если все откровения Жанны – выдумка, то и бояться тебе ее не стоит. Мало ли что может наговорить вздорная девчонка, пусть и благородных кровей!

– Как вы умеете на все дать единственно верный ответ, матушка, – усмехнулся Карл Валуа.

После того как родная мать, Изабелла Баварская, еще ребенком отдала его ко двору Иоланды Арагонской, он называл свою будущую тещу «матушкой». А когда Изабелла отказалась от него, поставив под сомнение его происхождение, когда от него отрекся полоумный король, которого он ненавидел еще больше, чем англичан, отрекся публично, перед всей Европой назвав его «ублюдком», теща и впрямь стала для него матерью. Возможно, даже другом. Он и рад был бы многое скрыть от нее, да не умел.

– Я первой встречусь с ней, – сказала Иоланда. – Хочу услышать ее голос, увидеть, как светятся ее глаза. Мне хватит ума, чтобы понять, кто направляет ее. Кто вложил в сердце девочки желание совершить великий подвиг. Воистину, равный желанию Давида сразиться с Голиафом – сразиться и победить. Гнев Божий, направленный против англичан и продажных бургундцев, или простая человеческая гордыня... Но сердце мне подсказывает, что я не ошиблась в своем выборе. И она – именно та, кто нам нужен.

3

В сопровождении охраны, рыцарей Жана де Новелонпона и Бертрана де Пуланжи, оруженосца де Дьёлуара, незнакомых дворян, составивших ее эскорт, Жанна поднималась по ступеням замка, шла через коридоры. Везде горели факела. Справа от нее шагал красивый статный вельможа, главный церемониймейстер королевского двора – принц крови, кузен короля, Луи Второй Бурбон, граф Вандомский.

– Не волнуйтесь, Жанна, – проговорил вельможа. – Все пройдет благополучно. Вас ждут с нетерпением – это главное.

Шум голосов приближался. Вначале был отдаленный гул; затем обрывки голосов и смеха коснулись ее слуха. Сзади бухали шаги сопровождавших ее рыцарей. Светлое пятно открытых настежь дверей уже плясало перед ее глазами. Тридцать шагов, двадцать, десять... После полутемного коридора яркий свет от языков пламени множества факелов и сотни лиц мужчин и женщин разом обрушились на нее. Голова закружилась. Она точно попала в водоворот. Все, разом умолкнув, смотрели только на нее.

– Прошу вас, мессир, покажите мне его, – прошептала Жанна, чувствуя, что может потерять сознание от волнения. – У меня темно в глазах...

Твердая рука ухватила ее правую ладонь и эта сила успокоила ее.

– Входите, Жанна, – громко произнес Луи де Бурбон. – Прошу вас.

Она еще не могла двинуться с места, а придворные уже расступались...

...У Карла перехватило дыхание. Странно, но именно такой он себе и представлял ее – эту юную деву. Тонкую, с гордым бледным лицом, короткой стрижкой. Словно он уже видел ее раньше. В этом мужском платье, так удачно сшитом по ее фигуре, с кожаным поясом на узкой талии и кинжалом у правого бедра. Ее глаза были счастливыми и несчастными одновременно – она искала кого-то; казалось, оттого, найдет она или нет столь необходимого ей человека, зависит вся ее жизнь.

– Она мила, – сказал де Гокур.

– Похожа на юношу, – холодно заметил Ла Тремуй.

Но Карл не слышал их. Он не мог отвести от своей гостьи глаз; сердце его готово было остановиться...

– Его величество в глубине залы, недалеко от камина, – чуть наклонившись к ее уху, очень тихо проговорил спутнице де Бурбон, – он в красном, расшитом золотом кафтане.

– Только прошу вас, не обманывайте меня, мессир...

– С ним два вельможи – по правую и по левую руку.

Глаза ее все еще не могли привыкнуть к свету. Все плыло, двигалось, ускользало куда-то...

– Не обманывайте, мессир...

Придворные уже тесно сгрудились вдоль стен, открывая ей проход. Они шептались. Их головы, как бутоны цветов на ветру, то и дело касались друг друга.

«Если будет нужда, Жанна, вы готовы во всем довериться нам, вашим друзьям? – сегодня утром спросила у нее эта властная дама, назвавшаяся королевой Иоландой. – Дабы мы могли убедиться, что все, сказанное вами, правда?» «Да, – ответила она бесстрашно. – Все, что вам будет угодно. Потому что я надеюсь, вы не допустите по отношению ко мне ничего оскорбительного». «Видите ли, – продолжала королева, – недруги приходят к нам в этой жизни с не меньшей охотой, чем друзья. Я не сомневаюсь: при дворе моего зятя вы найдете и тех, и других. Но если вы оступитесь даже в немногом или обманете нас даже в мелочи, враги наши станут сильнее. Вы обязаны знать, Жанна: каждое ваше слово и каждый поступок должны быть бесценны для нашего общего дела. С этой истиной в сердце вы и встретите своего короля. Уже очень скоро. Он ждет и верит в вас».

Наконец Жанна увидела того, кого искала. Она узнала его не по красному кафтану, расшитому золотом, а по глазам. В них было сейчас столько печали и почти детского испуга, что ей стало больно за этого человека. Точно от нее зависело, найдет он благодать или нет. И только она осознала это – умом, сердцем, лицо ее расцвело.

– Идемте, Жанна, – услышала она уверенный голос Луи де Бурбона. – Ничего не бойтесь.

Но она уже сама шагнула вперед – силы вернулись к ней, затмение прошло. Заботливый церемониймейстер едва успел перехватить ее руку, чтобы сдержать этот порыв...

...Их взгляды пересеклись, и Карл понял, что наконец-то узнал – по неожиданной вспышке, озарившей лицо девушки. Его жизнь менялась – он ясно ощущал это. Карл Валуа смотрел на идущую к нему девушку и уже знал, что она – часть его судьбы. Возможно, куда большая, чем его жена, многие друзья и вся его королевская рать. Он и рад был бы избавиться от этого ощущения, да не мог.

На глазах у затаившего дыхание двора Луи де Бурбон подвел ее к королю:

– Ваше величество, позвольте мне представить вам Даму Жанну.

Его гостья сделала грациозный реверанс, но не смогла сдержать своих чувств. Припав на правое колено, она порывисто взяла его руку, горячо поцеловала, прижала к щеке.

– Здравствуйте, милый дофин! – ее голос срывался. – Да пошлет Вам Бог счастливую и долгую жизнь!

– Господи, Жанна, встаньте, – едва сумел проговорить король.

Но она только подняла голову и сказала:

– Благородный дофин! Я пришла к вам по велению Царя Небесного, Иисуса Христа, чтобы снять осаду с Орлеана и короновать вас в Реймсе!..

Когда она договорила последние слова, в зале не было слышно ни шороха. Только треск дров в растопленном камине мог позволить себе нарушить тишину. Поэтому слова ее, пронесенные со страстью, еще долго звенели в парадной зале.

– Встаньте же, душенька, встаньте, – пораженный этой тишиной и слезами в глазах девушки, вновь пролепетал он. – Я прошу вас.

Карл сам помог ей подняться с колена и, взяв под локоть, забыв о сотнях придворных, не сводивших сейчас с них глаз, повел ее к пустующему проему окна, за которым была ночь.

Никто не посмел двинуться за ними, даже обмолвиться мимолетной фразой за их спиной...

Они встали в самом отдаленном проеме окна. Карл заглянул в глаза девушки. Они были карими, сейчас – черными.

– Иногда мне казалось, что вас придумали, Жанна. Но вы есть, и теперь вы в Шиноне...

– Я так ждала этой встречи, благородный дофин, – тихо проговорила она. Губы ее дрожали.

– Почему вы называете меня дофином, а не королем, как все?

– Вы станете королем Франции только после того, как вас коронуют в Реймсе, – неожиданно твердо сказала она. – Это случится, и очень скоро. Так сказал мне Господь...

«В своем ли она уме?» – думал разволнованный Карл Валуа.

«Какой же он несчастный, – с трепетом размышляла девушка. Не таким представляла себе Жанна своего короля. – Он похож на ребенка. – Глубокое чувство пыталось ее сердце. – Теперь понятно, почему он так осторожен. Я помогу ему...»

– Вы говорите с Господом? – осторожно спросил Карл.

– Да, благородный дофин. Голос, который я слышу, это голос Господа...

– Но... откуда вам это известно?

Жанна улыбнулась ему:

– Это знает мое сердце.

– Вы говорите без затей, Жанна, – это хорошо. Чего я не люблю, так это лукавства...

Он попросил рассказать, когда она впервые услышала голос, и как это произошло? Ей было тринадцать лет или около того, ответила Жанна, голос пришел к ней из света. Впервые это было так, точно над ней разверзлось небо. И тогда она поняла свое предопределение. Все перевернулось у нее внутри. Она осознала, какой должна быть ее жизнь. И какой же? – спросил король. Прекрасной и чистой, как цветение лилии, ответила девушка. Благородной, как та кровь, что течет в ее жилах. И полезной, как полезно служение воинства света, которое борется с тьмой. Она поняла, что должна прожить ее на благо Франции, законной дочерью которой является. Жанна добавила, что в те тринадцать лет она поняла это еще не совсем ясно, потому что была ребенком. Знание приходило с каждым новым днем, месяцем, годом, пока она выросла. Но главное свершилось: она узнала, в Чьих руках ее жизнь сейчас и где будет до последнего часа!

– Это голос сказал вам, Жанна, что вы должны освободить Орлеан?

– Да, благородный дофин. Голос сказал мне, чтобы я шла к вам. Чтобы я нашла моего дофина. И еще то, что я должна короновать вас в Реймсе.

– Вы очень самоуверенны, – заметил он.

– По воле Господа нашего мне суждено возвести вас на престол. Разве было бы лучше, если бы я сомневалась в своих решениях?

Карл всматривался в ее лицо. «Твое государство в преддверии больших перемен», – после разговора с Жанной сказала ему теща. – Верь мне». Как хорошо, думал сейчас он, если бы так оно и было!

– И вам известны те тайны, которые недоступны другим? – Он не сводил с нее взгляда. – Ответьте мне...

– Какую бы хотели узнать вы, благородный дофин?

Король оглянулся. Три сотни людей, стоящих в отдалении, смотрели на них – по знакомым лицам сейчас плыли отсветы факельного пламени. Все эти люди ждали.

– Меня интересует тайна крови, – проговорил Карл. – Тайна моей крови, Жанна.

– Я знаю это, – неожиданно просто ответила она.

– Знаете? – Он опустил глаза. – Много лет это была настоящая рана. Незаживающая рана. Мать и отец отреклись от меня, назвав незаконнорожденным. Понимаете, Жанна? И таковой эта рана остается до сих пор...

– Понимаю, благородный дофин.

Ему нужно было высказаться. Он ясно осознавал, что эта девушка скорее умрет, чем расскажет кому-то об их разговоре – он был уверен в этом и потому не боялся открыться ей.

– Что же вы мне скажете, Жанна? Если вы говорите с Господом...

Она взяла его за руку, и он почувствовал, как холодны были ее пальцы.

– В ваших жилах течет самая благородная кровь, о которой только может мечтать смертный. Иначе бы я не назвала вас «благородным дофином». Но это не кровь короля Франции...

Карл чувствовал, как бешено бьется сердце в его груди. А если это коварная выдумка его тещи – женщины, сколь добродетельной, столь и хитроумной? Он вновь, одним порывом, оглянулся – и сразу встретился взглядом с Иоландой Арагонской. Она стояла в окружении своих фрейлин и не сводила с него глаз. С него и Жанны. Если все это ложь во его спасение?

– Чья же тогда? Говорите честно, Жанна, без лукавства...

Голос выдал его – он умолял сказать ему правду. Только правду! Краска тотчас бросилась в лицо девушке:

– Я никогда не вру, мой дофин, и живу согласно с тем, что слышу в своих откровениях. Какая кровь течет во мне, я знаю, и горжусь этим... Так вот, мы с вами, как два цветка на одной ветке яблони.

Карл Валуа упрямо смотрел на Жанну. Нет, она не могла лгать! Это было видно по ее глазам. Рыцари этой странной девушки, с которыми он держал беседу сегодня днем, оказались правы – ее глаза точно горели изнутри.

– Какое же имя этой яблоневой ветки?

– Оно хорошо вам известно – это герцог Людовик Орлеанский, родной и единственный брат короля Карла Шестого.

Карл Валуа хотел было что-то сказать, но не мог. Все пересохло во рту. Он догадывался, какое она назовет ему имя. Хотел верить в это...

– Об этом сказал мне Господь – и об этом я пришла известить вас, благородный дофин, чтобы укрепить и сделать сильным для борьбы.

Помолчав, он улыбнулся:

– Спасибо, Жанна.

Король отвернулся к окну. Бывает так – боишься ты чего-то больше смерти, например – встречи, и паника охватывает тебя при одной только мысли о ней. А потом, когда все позади, комок подступает к горлу и слезы счастья душат тебя. Ему нужно было несколько минут: забыв о взволнованных придворных, глядя в ночь, побыть одному. Справиться с чувством. Потом они вернутся к остальным. Вместе с Жанной... А за окном был март. Холодный март. Черные башни замка Кудрэ, открытые отсюда, как на ладони, прорезали синее вечернее небо. Стелились до горизонта леса. И широкой змеей, в лунном потоке, серебрился приток Луары, задумчивая и медлительная Вьенна.

Часть первая. Смутные времена

В канун дня святого Мартына (10 ноября 1407 года по юлианскому стилю. – Прим. авт.), около двух часов пополудни, августейшая королева Франции разрешилась от бремени сыном, в своем Парижском дворце, что подле заставы Барбетт. Дитя сие прожило недолго, и близкие короля едва успели наименовать его Филиппом⁴ и окрестить его малым крещением во имя Святой и Неделимой Троицы. Вечером следующего дня придворные господа отвезли тело в аббатство Сен-Дени, в котором, сообразно обычаю, были зажжены все светильники, и погребли его рядом с братьями в часовне короля – деда его, повелевшего служить там две обедни в день. Преждевременная кончина сего дитяти погрузила королеву в глубокую скорбь, и все время после родов она провела в слезах. Светлейший герцог Орлеанский, брат короля, часто навещал ее и пытался смягчить ее страдания словами утешения. Но в канун дня святого Клементия (23 ноября, иначе говоря, через 13 дней. – Прим. авт.), после того как он весело поужинал с королевой, против его особы было совершено ужасное, неслыханное и беспримерное преступление. (Из «Хроники монаха Сен-Дени»)

1

Герцог Жан Бургундский прошелся вдоль длинного стола – здесь лежало оружие. Оно украшало и стены: копья и алебарды, точно для битвы, скрестились друг с другом; укрывали грубый камень щиты разной формы, с выцветшими гербами. Но именно слаженный из дуба стол представлял собой клад смертоносного оружия. Двуручные мечи в два, а то и в три локтя длиной; кинжалы всех мастей – для простых воинов, грубые, чтобы, не задумываясь, кромсать живую плоть, и для благородной знати, усыпанные камнями, дабы красоваться перед дамами; топоры и секиры; цепи и булавы; несколько ятаганов, милостиво подаренных герцогу султаном Баязидом во время плена. Все это громоздилось на столе в оружейной зале, сверкало и переливалось в отсветах факельного огня, рассыпая кругом зловещие лучики.

– Ты выследил его? – не оборачиваясь к слуге, стоявшему за его спиной, спросил герцог.

– Час назад он прибыл во дворец Барбетт, мессир. – Лицо говорившего от уголка левого глаза до подбородка пересекал тонкий серповидный шрам.

Герцог усмехнулся:

– В спальню королевы?

– Уверен в этом.

---

⁴ Аббат Клод де Вилларе, живший в XVIII веке, в своей «Всеобщей истории Французского королевского дома» сообщает, что в среду 10 ноября 1407 года «в два часа пополудни» королева Изабо родила ребенка, «умершего в тот же день и отвезенного вечером в Сен-Дени». Но вот странность: в первом издании этого труда, в 1764 году, ребенка зовут «Филипп». А шестью годами позже, в издании 1770 года, «Филиппа» заменяет девочка «Жанна». В третьем издании, в 1783 году, второе утверждение повторяется и вновь возникает строка: «Жанна, прожившая всего лишь один день». Откуда такая неразбериха? Тем более что дело идет о королевской семье! А далее ее вновь заменяет «Филипп». Таким образом, «Филипп» и «Жанна» несколько раз сменяют друг друга в одном из самых важных документов королевства, но за давностью времени уже трудно определить причины, двигавшие историками.

– Женщины любят моего кузена... – Он задумчиво смотрел на оружие. – Очень любят. Но однажды это подведет его.

Герцог трепетно, с тайной страстью, провел пальцами по лезвию одного из коротких мечей, заостренному, отточенному с обеих сторон, какими предпочитают пользоваться в больших городах и на проселочных дорогах ночные охотники за звонкой монетой.

– Какая роскошь, мой добрый Жак. Это жало – само совершенство. – Проведя рукой по лезвию меча, герцог задумчиво улыбнулся. – Три дня назад королева и герцог Беррийский так любовно мирили нас. Мне пришлось причаститься с ним одной облаткой и обменяться медальонами. Весь Париж ликовал, когда узнал об этом – как же, столица избежала войны! Мне это на руку. После нашего примирения он перестал ездить по Парижу в окружении целой армии. Сколько было человек с ним сегодня, когда он приехал во дворец Барбетт к королеве?

– Его сопровождали два рыцаря.

– Вот даже как... А что, если он сейчас решает, где и когда напасть на меня? Если его беззаботность – только желание меня обмануть?

– Не думаю, мессир. Он от природы беспечен, как беспечны все красавчики и сластолюбцы.

– Филипп Красивый⁵ сочетал в себе эти качества с восточным коварством, мой добрый Жак. – Герцог взял один из кинжалов, положил на ладонь, подбросил и ловко поймал за рукоять. – К тому же мой враг – колдун. Об этом знает весь Париж, да что там – вся Франция. Он – дьяволопоклонник. Он носит на груди мандрагору, которая помогает вершить ему свои дела: в первую очередь – подчинять своей власти женщин. Дьявольским велением он совокупляется с ними и везде роняет свое семя. Все можно ожидать от такого человека. – Герцог наконец-то обернулся к слуге. – Если он человек, а не само воплощение дьявола!

Оставив притягательную сталь, герцог остановился в углу залы, у медного зеркала, под двумя яркими факелами. Хозяин и слуга молчали. Слышно было только, как пламя лижет темноту... Из зеркала на герцога смотрел широкоплечий коротышка – с залысиной, несветно большим носом, маленькими глазками, тонкими язвительными губами. Герцог улыбнулся – он был на редкость некрасив! Но что стыдиться своего облика? Другого все равно не будет...

С детства его жизнь проходила на виду у всего двора. Но он походил скорее на шута, сидящего рядом с тронном своего отца, чем на принца. Ему было четырнадцать лет, когда его женили на одной из первых красавиц Европы – двадцатилетней Маргарите Баварской. У нее не было отбоя от поклонников. Она была искушена в любви, а главное – самоуверенна, как богиня. И смотрела на него так, точно он – злой карлик, которого подбросили ей в постель. Таково жестокое эхо династических браков! Он решил заслужить ее расположение и отправился в крестовый поход, от имени отца, Филиппа Смелого, возглавив французов и бургундцев, но в битве под Никополисом⁶, где войско крестоносцев оказалось раз-

---

⁵ Филипп IV Красивый – король Франции (1268–1314), из династии Капетингов, внук Людовика IX Святого. Всячески укреплял королевскую власть, при нем Парижский парламент, Верховный суд и Счетная палата стали постоянно действующими учреждениями. За свое царствование несколько раз изгонял из Франции евреев, забирая их имущество в пользу казны, а потом приглашал вновь в королевство. Перенес папскую столицу из Рима в Авиньон («Авиньонское пленение пап»). С помощью своего ставленника папы Климента V в 1307 году обвинил в ереси тамплиеров и большинство из них приказал сжечь. Именно Филиппа Красивого и весь его род из пламени костра в 1314 году проклял последний магистр ордена тамплиеров – Жак де Моле.

⁶ Никопольский крестовый поход (1396) пяти христианских государств – Венгрии, Германии, Чехии, Франции и Польши – был направлен против турков и проникновения их в Европу. В битве близ Никополя, на Дунае, в Болгарии, крестоносцы были полностью разгромлены. К поражению привело как бездарное руководство инициатора похода венгерского короля Сигизмунда I, так и общая разобщенность и несогласованность в рядах крестоносцев. Итоги поражения были катастрофическими – только более десяти тысяч рыцарей было взято в плен, лишь триста из которых сохранили себе жизнь. Начиная с этого года турки укрепились на Балканском полуострове и постоянно угрожали Европе.

бито, попал в плен. У султана Баязида он провел два унижительных года и был продан отцу за баснословную сумму – двести тысяч золотых дукатов! Вся Бургундия шепотом проклинала Жана, и как иначе – чтобы вызволить из беды принца, народ обложили непомерными налогами. Жан вернулся в Париж переодетым в черный костюм – он во всеуслышание поклялся до последнего дня носить траур по разбитому войску Христову. Но это не уберегло Жана от насмешливого прозвища, которым тут же наградила его Людовик Орлеанский, родной брат сумасшедшего короля и официальный любовник распутной королевы. «Вот он, Жан Бесстрашный!» – со смехом за спиной страдающего коротышки повторял ведь двор. А вскоре бургундский принц узнал, что все тот же красавчик-сердцеед Людовик в его отсутствие оказывал его супруге внимание. Тогда Жан и поклялся отомстить кузену. Бургундский и Орлеанский дома враждовали и раньше, борясь за сферы влияния при Карле Безумном. Во время церковной схизмы⁷ они к великому удивлению французов поддерживали разных пап, проклинавших и предававших друг друга анафеме перед лицом всего христианского мира. Но когда Филипп Смелый внезапно скончался и бургундский меч оказался в руках Жана Бесстрашного, запахло жареным. Два самых могущественных в государстве человека отныне выставляли взаимную ненависть напоказ. Дело дошло до того, что Людовик Орлеанский, всегда потешавшийся над уродливым кузеном, выбрал себе эмблему – суковатую палку. Это означало то, что он всегда готов дать хорошую трепку своему низкорослому кузену. Не остался в долгу и Жан – он усеял свои ливреи серебряными стругами. Его противник должен был знать, что он намерен обстругать дубину зарвавшегося врага. Так они и ходили во время государственных заседаний и пиров, теща придворных грозными символами. И понося и насмехаясь друг над другом, побуждая то же делать и свои многочисленные свиты. Людовик и Жан были похожи на двух котов, что, прижав уши и подергивая хвостами, бешено ревут, усевшись друг против друга. Но двор прекрасно осознавал, что, сорвись они – вступили в бой, много прольется крови.

Жан Бургундский оставил зеркало, обернулся к слуге:

– Ты хотел мне что-то показать, Жак?

– Да, мессир, – ответил тот.

Слуга подошел к одной из дальних полок и вынес на свет небольшой арбалет.

– Для ближнего боя, мессир, – сказал слуга. – С двадцати шагов пробивает рыцарскую броню, – с мрачной улыбкой похвастался он.

– Добрый арбалет, – усмехнулся герцог, беря в руки оружие. Он коснулся рукой дерева, тугой стальной тетивы. – А какова стрела к нему?

– Подстать тетиве – из лучшей стали.

Герцог вернул оружие мастеру.

– Покажи его в деле, Жак! – ему не терпелось насладиться зрелищем.

– Конечно, мессир.

Слуга достал стрелу из кожаного колчана, висевшего на стене, отыскал тут же, на одной из полок, «козью ногу» – для натяжки тетивы, и подготовил арбалет к бою. Затем Жак вытащил первый попавшийся ему на глаза факел из гнезда и направился в дальний угол залы – в темноту, и скоро там вспыхнул огонь. Языки пламени высветили чучело в человеческий рост, из плеч которого пучками торчала солома. На кожаном ремне, прикрывая торс чучела, висел помятый щит с рисунком, но в сумрачном свете герб читался плохо. Было ясно, что это – мишень. Слуга вернулся к герцогу, цепко взял оружие.

– На темных улицах Парижа не будет лучшего друга, чем этот арбалет! – сказал он.

– Охотно верю, – отозвался герцог. – Порадуй же меня!

---

⁷ Великий раскол, или Великая схизма. Продлилась с 1378 по 1414 год. С 1378 по 1409 год католическую церковь возглавляли два враждующих понтифика, а с 1409 по 1414 год – три конкурирующих между собой папы.

– Здесь все тридцать шагов, мессир, – целясь, со знанием дела сказал Жак. Щелчок, протяжный свист, глухой удар...

Герцог неторопливо подошел к мишени. Выстрел был метким, выше всяких похвал – железная стрела пробила щит в самом центре, подрезав стебель средней из трех золотых лилий. Они расцветали на лазоревом поле. Сверху их венчала полоса белых квадратов. Это был герб герцогов Орлеанских – второй ветви французского королевского дома...

– Сейчас – самое время, – взволнованно проговорил герцог. – Сегодня же! Промедление – смерти подобно...

2

Королева сама решила принести любовнику чистое белье и одежду. Во дворце Барбетт хранился целый гардероб Людовика. Иногда королева доставала одну из его накрахмаленных рубашек, прижимала к лицу и долго не могла оторваться ото льна или шелка. Ведь эта одежда была его частью, впитывала его пот, иногда – кровь. А подчас ей хотелось взять факел и швырнуть огонь в вороха его одежды, чтобы та вспыхнула, сгинула. Ничего по себе не оставила, только пепел. Все зависело оттого, какие слухи долетали до нее – о нем.

Она ждала герцога весь хмурый ноябрьский день, не находила себе места. Они не виделись всего три дня, с того самого часа, как Людовик и Жан Бургундский, два врага, обменялись облатками в соборе Парижской Богоматери и поклялись в вечной дружбе. Но и этих трех дней хватало для ревности, сводившей ее с ума. Какая из женщин открывала ему объятия? И одна ли? Десять лет назад ей удалось обманом и клеветой удалить от двора, а затем добиться полной опалы красавицы Валентины Висконти, жены герцога, к которой он оказался сильно привязан, но справиться со всеми женщинами, до которых так охоч был Людовик Орлеанский, она бы никогда не смогла.

Изабелла вошла в натопленную комнату, где в огромном, как грот, камине трещали поленья, теплились по углам угли. Здесь пахло травами и бальзамами. Ее любовник полулежал в огромной кадке. Пар поднимался над водой, доходившей ему до груди. Лицо герцога было обращено в профиль к хозяйке дворца. Положив мощные руки на края деревянной ванны, он откинул голову. Переливались перстни на пальцах. Веки Людовика были сомкнуты – он не видел королеву. В левом ухе герцога мутно сверкала золотая серьга. На груди его, густо покрытой волосами, на толстой цепи блеснул золотой медальон. Никогда и никому он не показывал его содержимое. Но говорили, силы в этом медальоне таились великие! Людовик вдыхал благовония трав, которые курились в комнате для омовений. Казалось, герцог был в дреме. Что грезилось сейчас ее мужчине?

– Я провел почти сутки в дороге, – сказал он, не открывая глаз, но точно чувствуя, кто вошел. – И думал только о тебе...

Ее сердце замирало, когда она видела его. Так случилось и теперь – стоило ему заговорить. Иные женщины ценили герцога и за другие таланты, например, Валентина Висконти. Людовик Орлеанский был человеком утонченным: привечал художников, поэтов и музыкантов, лично участвовал в постройках дворцов. Оттого Людовика и Валентину, некогда услаждавшую двор игрой на арфе, называли идеальной парой. Но для нее, королевы, он был бешеным вепрем, неутомимым наездником, укротителем самых необузданных ее страстей.

– Можешь идти, – сказала Изабелла служанке. – И отнеси белье его высочества к прачке.

Та поклонилась и, не поднимая глаз, вышла.

– Мне стоит больших трудов разыгрывать траур, – положив чистое белье на скамью, подходя к нему, сказала королева. Она уже касалась его сильных плеч. Стоя сзади, она с неж-

ностью намылила шею и грудь возлюбленного. Изабелла боялась оторваться от его тела – так она соскучилась.

– Позволь, я сниму твой медальон? – осторожно спросила она. – Он мешает мне. – Королева потянулась, но герцог уверенно перехватил ее руку. – Чтобы владеть моим сердцем, тебе он не нужен, – попыталась объяснить она. – Ты и так хозяин моей души...

Но Людовик не отпускал ее, что означало: нет.

– Как наш ребенок? – беря ее мыльные руки в свои, мягко спросил герцог. – Он... здоров?

– Здоров и прекрасен, как его отец и мать.

Весть о том, что ребенок королевы, сын Филипп, упокоился с миром, вот уже тринадцать дней, как облетал страну. 10 ноября 1407 года предусмотрительный и хитрый Людовик Орлеанский посоветовал королеве запутать следы. Он знал: не все при дворе поверят, что ребенок умер. И никто не поверит, что он от короля. Каждому было известно, что Карл уже много лет не прикасался к супруге. Зато об их связи знал всякий. «Кого же мы похороним в Сен-Дени?» – спросила королева Изабелла Баварская у своего любовника, и он ответил с присущей ему легкостью: «Подкидыша». Так и случилось. Преданные служанки королевы вышли в тот день на охоту и принесли труп ребенка, мальчика, который замерз у церкви. Это было обычным делом. За аборт можно было поплатиться жизнью – и матери, и повитухе. А вот подбросить ребенка в корыто для подкидышей, у ворот церкви, было делом привычным: Господь сам разберется – оставить крохе жизнь или забрать ее, чтобы тот не мучил себя земной юдолью.

– Наша девочка похожа на крошечный бутон лилии, который однажды распустится прекрасным цветком, – добавила королева.

Он поцеловал намыленную ладонь возлюбленной. Изабелла нагнулась к нему и коснулась губами его уха.

– Я соскучилась, любимый. – Ее длинные черные волосы мокли в пенной воде, закрывали лицо герцога. – Нас ждет ужин и постель. Или наоборот. – Она уже ловила с жадностью его губы. – Поторопимся, Луи...

...Жарко горел огонь в двух каминах королевской спальни, громко трещали дрова. По зале, плотно укрытой коврами, ползали алые отсветы. Даже напоминание о сыром ноябре не доходило сюда...

– Как долго ты пробудешь со мной? – спросила у герцога королева.

– Это как вам будет угодно, ваше величество. – Они лежали нагими. Женщина – перебросив через мужчину ногу, он – взяв ее шею в кольцо мощной руки, кисть которой была увита перстнями. – Если захотите – вечность.

– Лгунишка, – улыбнулась она. Ее длинные черные волосы укрывали его плечо, стелились по подушкам. – Но эта ложь мне приятна.

Пожалуй, ни одна пара не вызывала во французском королевстве столько кривотолков, как Изабелла Баварская и Людовик Орлеанский, родной и единственный брат короля. Знакомство Карла Шестого и Изабеллы было подстроено бургундскими родственниками юной принцессы на богомолье 18 июля 1385 года. В ту пору королю было семнадцать лет, Изабелле – пятнадцать. Вскоре они стали мужем и женой. Между царственной парой, стремившейся познать все любовные искушения, вспыхнула страсть, а волна придворных развлечений подхватила их и понесла своим руслом. Но король грезил не только любовными приключениями, но и рыцарскими подвигами, и потому надолго отлучался. Королева же видела перед собой лишь одну стезю – быть любовницей и, когда приходило время, матерью королевских детей. Впрочем, которые могли рождаться не только от короля. С 1392 года приступы безумия один за другим поражали Карла Шестого, ставшего опасным спутником как для своих друзей, кутил-аристократов, так и для царственной супруги. А приходя в себя,

он становился еще опаснее – без него на свой лад управляла государством его родня, и что еще хуже – как-то утешала безутешное свое горе молодая королева. В те годы, когда помрачение рассудка все тяжелее сказывалось на короле, рядом с ним, по воле королевы, появилась Одетта де Шандивер – терпеливая сиделка и нежная любовница, а рядом с Изабеллой Баварской, наряду с другими мужчинами, герцог Орлеанский. Он занял неизменное первое место в списке ее возлюбленных и стал защитником королевы от нападков двора. Изабелла и Людовик не стеснялись выставлять свою связь напоказ. Их часто видели вместе не только в укромных уголках королевских дворцов, но и на публичных сборищах. Народ был недоволен. «Немка могла бы и постыдиться!» – шептались простые французы.

– Ты истекаешь молоком, – заметил герцог.

– Сейчас принесут нашу малышку и я покормлю ее. У меня столько молока, Луи, что я могла бы выкормить еще трех детей. – Она усмехнулась. – Королевский двор! Эти прохвосты пытаются всякий раз определить, беременна ли я, по тому, насколько я пополнила и какова моя грудь! Если она, точно бутон тюльпана, что готов раскрыться под лучами солнца, значит, я ношу под сердцем еще одного королевского ребенка!

Людовик Орлеанский с улыбкой взглянул на нее:

– Или королевского, но только наполовину?

Правая бровь Изабеллы высокомерно и насмешливо поползла вверх.

– Да будет вам известно, герцог, любой из моих детей, рожденный в то время, пока я нахожусь в законном браке, освященном христианской церковью, является Валуа. Это Одетта Шандивер может рожать твоему брату бастардок, я – только истинных принцев и принцесс! – Глаза королевы погрузнели. После недолгого молчания она тяжело вздохнула. – Тебе известно, Луи, на какие уловки и ухищрения я только не шла, чтобы соблюсти хотя бы внешнее благочестие в наших отношениях с Карлом. Беременной я оставалась с королем наедине даже в те дни, когда безумие пожирало его, высасывало из него все соки. И все для того, чтобы эти проклятые фавориты и фаворитки думали, будто мы делим с ним постель. А он избивал меня. И я кричала только тогда, когда уже не было сил терпеть. А потом днями напролет прятала лицо под слоем румян и пудры от своих же фрейлин и служанок. И от его лакеев. – Изабелла поцеловала широкую ладонь герцога. – Однажды твой брат едва не зарубил меня. Я едва успела выскочить за дверь, а потом – удар мечом. Господь в тот день уберег меня от смерти. И тогда я подумала: пусть весь двор горит в преисподне! Ближе больше не подойду к Карлу Валуа! Но рожать все равно приходилось в Сен-Поле. Лежать с раздвинутыми ногами, как публичная девка, под взглядами десятков ненавидевших меня людей. Корчиться, стонать, обливаться потом, кричать. Хватать чьи-то руки. Я знаю, что они думали про себя. Вот оно – вместилище греха! Вот оно, чрево, порождающее на свет вырождков! Думали, но сказать боялись!

Для Изабеллы Баварской этот брак и впрямь оказался серьезным испытанием. Даже после того, как она спряталась от короля в своих дворцах – Барбетт и Боте-Сюр-Марн, жизнь ее вовсе не стала легкой и безоблачной. Королеве приходилось вести тонкую придворную политику, стараясь угодить и Орлеанскому дому, и Бургундскому. Гнев супруга, иногда выныривавшего из пучины безумия, висел над ней как дамоклов меч. И потом, к 1407 году из своего многочисленного потомства она потеряла троих детей: двое, Карл и Изабелла, ушли в мир иной младенцами; еще один Карл умер в возрасте десяти лет. Горе, подчас – унижения, и вечные сплетни, которые преумножали ее пороки, только лишней раз заставляли тридцатисемилетнюю королеву искать утешение в любви. И тут Людовик Орлеанский был безотказным другом.

– Ах, мой Луи, – Изабелла провела рукой по широкой груди могучего мужчины, лежавшего рядом с ней, по дебрям его волос, – милый Луи, если бы не ты...

Но он был еще и преданным другом. Если бы не могущественный Людовик Орлеанский, Изабелла Баварская никогда бы не осмелилась бросить вызов священному обычаю – 10 ноября она рожала не на глазах у двора, как это повелось испокон веку у французских королев, а вдали от него. Но *такого* ребенка никогда бы не признала французская аристократия. Не помог бы даже Людовик! Такой ребенок был изначально обречен на «смерть».

В дверь постучали.

– Войди, Жильберта! – выкрикнула королева и взглянула на обнаженного любовника. – Укройте, герцог. Вы и так, не сомневаюсь в этом, слишком часто предстаете перед женщинами в костюме Адама.

Но герцог только улыбнулся в ответ, и она сама укрыла Людовика меховой накидкой. Вошла Жильберта и, не поднимая глаз, поднесла королеве белый кулек, посыпывающий и постанывающий, готовый разреветься.

– Она просыпается, ваше величество...

– Я сама покормлю ее, – сказала королева. – Ступай, Жильберта.

Служанка неслышно закрыла дверь, а герцог потянулся к пеленкам.

– Она подросла за эти дни? Покажи мне ее...

– Только осторожно...

Изабелла отвернула края пеленок, и обнажилось сморщенное детское личико – розовое и капризное.

– Я хочу посмотреть на нее – всю.

Королева развернула пеленки. Перед герцогом была девочка – крохотная, розовая, сонно дрыгающая ножками и ручками, корчащая гримасы. Герцог взял ребенка на руки – и девочка открыла глаза.

– Принцесса! – весело воскликнул герцог Орлеанский. – Красавица моя! Да благословит тебя Господь...

Широко открыв глаза, поглядев на того, кто был ее отцом, девочка разревелась.

– Будь с ней осторожнее, прошу тебя! – Изабелла уже тянула к девочке руки. – Луи... Пора покормить ее.

Они ужинали. Девочку отдали нянькам. Людовик и королева были довольны и счастливы. Пили вино и смеялись. Неожиданно королева расплакалась.

– Неужели ты не понимаешь, что мне тяжело отдавать ее? – на вопрос Людовика, что с ней, откликнулась она. – Даже несмотря на то, что многие считают меня бессердечной.

– Лучше подумай о том, что будет с ребенком, если мой брат придет в себя и узнает, что он в очередной раз стал отцом? – резонно заметил герцог. – Пусть, неудачно. Ведь для того, чтобы это случилось, нужно хотя бы раз переспать с женщиной. Жану Бургундскому несложно будет доказать нашу связь. А что будет, если Карл прикажет взять одну из твоих кормилиц и положить ее на раскаленную решетку? От отчаяния, что завтра опять попадет в клетку своего безумия, король может решиться на крайний шаг. Меня ждет изгнание, если не смерть, тебя – монастырь. А девочку? Все уже десять раз решено, Изабелла. Эта семья из герцогства Барского предана Орлеанскому дому. Их родня позаботится о Жанне.

Королева безрадостно кивнула:

– Ты прав.

– Конечно, прав. – Он потянулся к Изабелле, сбавил голос. – Карл не вечен, милая. Надо смотреть вперед. Один из твоих детей унаследует трон. И мы вернем нашу девочку ко двору. А пока она будет расти на границе с Лотарингией, подальше от двора, в лесах. В поместье этого Жака д'Арка...

Дверь в трапезную осторожно приоткрыл оруженосец, прибывший с герцогом.

– Его высочество Карл Орлеанский, – негромко сказал он.

– Наконец-то! – вставая из-за стола, воскликнул герцог.

В залу широким шагом вошел совсем молодой человек – чертами лица и статью он был похож на отца. Совсем юный античный бог. На нем сидел идеально подогнанный под его худощавую, еще мальчишескую фигуру доспех. С широких по-отцовски плеч спускался подбитый мехом плащ.

– Ваше величество, – низко поклонился юноша.

– Принц, – улынулась королева.

Она подала ему руку, и он поцеловал ее. Изабелла Баварская испытывала смешанные чувства к этому шестнадцатилетнему юноше. Но два из них боролись друг с другом особенно – привязанность и враждебность. Бывает и так! Карл был сыном ее любимого мужчины – Людовика, и ее врага-женщины – итальянки Валентины Висконти, которую она ненавидела и к которой всегда ревновала любовника. Юный Карл, со своей стороны, прекрасно знал, кто выгнал горячо им любимую мать из Парижа. Но его отец был любовником этой женщины, а их общие дети – его сводными братьями и сестрами. И потом, Изабелла Баварская приходилась ему тещей. Уже целый год он был женат на своей кузине – тоже Изабелле. Восемнадцатилетняя французская принцесса была женой английского короля, последнего Плантагенета⁸, пока того не убили его родственники Ланкастеры, занявшие престол. После смерти мужа юная женщина осталась не удел и ее с почестями отправили во Францию. Не долго думая, Людовик Орлеанский и его коронованная любовница устроили свадьбу своих детей. Юная Изабелла горько плакала: выходя замуж за принца крови, она навсегда теряла титул королевы, от которого оставалось одно воспоминание!

В этом династическом клубке отношения были крайне запутанны, и потому Изабелла Баварская выбрала манеру поведения с молодым герцогом подчеркнуто-благожелательную, он с королевой – подчеркнуто-уважительную. Сколько бы горя она ни причинила его матери, Изабелла была королевой Франции! Что до самой Изабеллы Баварской, она могла рассчитывать наверняка, что юный Карл скорее погибнет, чем нарушит данное отцу слово. А он уже поклялся доставить младенца по назначению.

– Ты отужинаешь с нами? – спросил Людовик Орлеанский.

Он обожал этого юнца. Могущественный герцог был уверен, что его сын Карл, наследник дома Орлеанов, родился под счастливой звездой. В честь его дня рождения, в 1391 году, Людовик создал светский рыцарский орден – Дикобраза, иглы которого, об этом знали все, были обращены в сторону Бургундского дома.

– Нет, отец, спасибо, – ответил юноша.

– Тогда... выпьешь немного вина?

– Пожалуй, вина, – кивнул Карл.

Герцог Орлеанский сам наполнил сыну кубок.

– Я провожу их до ворот, – сказал Людовик Изабелле. – Чтобы отряд не посмела остановить никакая стража.

---

⁸ Плантагенеты – королевская династия в Англии в 1154–1399 годах. Основатель династии – Генрих II, граф Анжуйский. (При жизни его, разумеется, называли «Анри», как и его сына Ричарда Львиное Сердце – «Ришаром».) Название «Плантагенет» произошло от того, что отец Генриха – Жоффрау Красивый – украсил свой шлем веткой дрока (лат. *planta genista*). Плантагенеты то теряли земли на территории Франции, то обретали их вновь. Они и начали Столетнюю войну. Все три сына Филиппа IV Красивого, короля Франции (1268–1314), умерли бездетными. Но дочь Филиппа Изабелла, отданная за Эдуарда II Плантагенета, родила короне Англии наследника – Эдуарда III. Последний (мстя за убийство своего отца) отправил мать в тюрьму, а любовника ее на плаху и объявил свои права на трон Франции. В то время королем Франции стал Филипп VI (1293–1350), первый из династии Валуа и всего лишь племянник Филиппа Красивого. Но по французскому кодексу, в связи с «саллическим законом» (древним законом приморских франков), престол не передавался по женской линии. Именно так и началась Столетняя война – между Капетингами-Валуа и Плантагенетами, в сущности – французами и ближайшими единокровными родственниками. Страсть, с которой англичане пытались завоевать Францию, объяснима: они всего лишь хотели вернуть себе те земли, что принадлежали некогда Анжуйской (французской) державе, а заодно благодаря династическому браку забрать и все остальное.

Около полуночи все было готово для отправки. Во дворе дождался конный отряд из четырнадцати человек во главе с Карлом Орлеанским и две кареты, наглухо устланные внутри мехами. Сопровождать младенца должны были две кормилицы, одна из них – старшая, пеленальщица и две няньки. Людовик и два его телохранителя, с которыми он прибыл во дворец Барбетт, тоже были вооружены и готовы двинуться с отрядом. В отличие от своих телохранителей герцог не стал облачаться в привычный доспех – он был в теплом меховом плаще поверх камзола и роскошном берете, заломленном набок. Закутавшись в шубу, на улицу, за нянькой, что несла малышку, вышла и королева. Она вновь расплакалась. Женщина, державшая в руках плотно закутанного в пеленки и покрывала, а сверху завернутого в шубу ребенка, остановилась. Людовик Орлеанский, уже готовый вложить ногу в стремя, вернулся, прижал королеву к себе. Стесняться здесь было некого – младенца сопровождали самые надежные рыцари Орлеанского дома, целиком и полностью преданные своему сюзеру; женская прислуга также не за страх, а за совесть служила своей королеве.

– Им пора отправляться, Изабо, – сказал Людовик. – Я скоро вернусь и утешу тебя. – Он нежно поцеловал ее. – Так мы едем?

Окликнув служанку, немедленно приблизившуюся к хозяйке, королева взяла огромный меховой куль и прижалась к нему лицом. – Прощай, Жанна, и прости меня, – очень тихо прошептала она. И уже взяв себя в руки, твердым голосом добавила: – Пусть едут! Да хранит вас Господь!

...До городских ворот они доехали без приключений. Стража подозрительно обступила процессию, но когда вперед выехал герцог и громко назвал себя, стража отступила, засуетилась, и вот уже перед каретами и сопровождавшей их кавалькадой открывались ворота, спешно поднималась решетка и опускался подъемный мост. Герцог сказал, что скоро вернется, и пусть мост будет опущен. Он выехал впереди сына на дорогу, ведущую за город, и уже там пропустил Карла вперед.

Ночное осеннее небо было чистым. Луна освещала дорогу и леса, поднимавшиеся к холмам Монмартра.

– Через Шампань проезжайте осторожно, – напутствовал Людовик юного принца, – бургундцы там ведут себя по-хозяйски. В драки не вступать – я твой норв знаю! – он произнес это с чувством гордости, которую ему плохо удалось скрыть. – Держитесь крепостей Шенневьер, Понто-Комбо, Турнан-ан-Бри, Розэ, Эстерно, Сезанн и Сен-Дизье! Поезжайте с оглядкой до самого герцогства Барского! Только в Линьи-ан-Барруа вы почувствуете себя в полной безопасности! Я жду тебя к Рождеству! С Богом!

Карл Орлеанский кивнул:

– С Богом, отец!

Людовик наблюдал за процессией, пока она не скрылась из глаз на дороге, ведущей от парижских ворот на восток.

Возвращался герцог Орлеанский и два его телохранителя по Старой Храмовой улице...

3

В одном из темных переулков, куда не достигал лунный свет, прятался конный отряд человек в десять. Все затаились и были взволнованны.

– А если он вызовет дьявола, Жиль, что тогда? – тихонько спросил здоровяк, один из группы всадников. – Ведь он – колдун!.. Жиль? Забияка! – окликнул он товарища по звучному прозвищу.

Но Жиль Забияка только хмуро засопел – ответа у него не было. Как и не было трех фаланг на пальцах левой руки, которой он почесал обросшую щетиной щеку. Зато нашелся что сказать предводитель вооруженных полуночников:

– Если он вызовет дьявола, Этьен, тогда пиши пропало! – Предводитель зло и многозначительно усмехнулся, точно знал ответы на все вопросы. – Страшен дьявол, когда приходит за тобой. Он черен, как ночь, и дышит пламенем. И справиться с ним ни у кого не хватит силы. И если он коснется тебя, то гореть твой душе в адском огне!

Вооруженные люди зашептались.

– А правду говорят, что мандрагора подчинится любому, кто возьмет ее из земли? – спросил все тот же здоровяк Этьен. – И откуда она берется? Из чего вырастает? – Вопросы у него не кончались. – И как ее найти? Да чтобы не навредила...

Главарь усмехнулся:

– Ты должен знать, что у того, кто подыхает в петле, опорожняется мочевого пузыря. А вместе с мочой выходит и его семя. Чтобы мандрагора была по-настоящему хороша, ты должен выйти в полночь из дома и встать под виселицей, где издох самый беспощадный убийца. – Он вновь усмехнулся. – Такой, как я. Под виселицей, откуда он отправился прямехонько в ад. Семя смешается с землей, получит ее силы. Вот когда оно станет маленьким земляным человеком, который уместится у тебя на ладони. Ты должен вытащить меч и очертить магический круг – обвести и тем предостеречь будущего слугу, чтобы он не убежал. И только потом тем же мечом выкопать его. Но не поранить...

– Страшновато, мессир...

– Ты должен принести его домой, Этьен, – продолжал главарь, – взять нож и придать корню мандрагоры человеческую форму. Затем нарядить его в одежду и только потом прочитать над ним заклинание – чтобы он ожил. Тогда все победы будут твои, золото само поползет в твои карманы, а женщины станут умолять тебя, чтобы ты был с ними! Самые знатные и самые богатые!

– А какого же заклятие?

– А вот это не твоего ума дело! – в который раз усмехнулся главарь.

– И откуда вы все это знаете, мессир? – поинтересовался любознательный Этьен. – Шутка ли – держать уговор с дьяволом!

– Знаю, – холодно отчеканил предводитель отряда. – На всякий яд есть противоядие! Герцог в кольчуге, ему не добраться так быстро до своего амулета. Если мы успеем отсечь ему правую руку, пронзить мечом сердце и разрубить голову – тогда он нам не страшен!

Со Старой Храмовой улицы в темноту переулка, где стоял отряд, пришпоривая лошадь, быстро въехал человек.

– Мы не упустили его, мессир де Ба! – выпалил он. – Герцог сказал страже, что вернется, так оно и есть!

– Далек он?

– Шагов за триста, скоро будет здесь!

– Сколько их?

– Трое! Они только проводили повозки с отрядом! Теперь едут обратно!

– Отлично!

Предводитель шайки отвел край широкого плаща и взял в руку небольшой заряженный арбалет. Стрела под натянутой тетивой нацелилась в парижскую мостовую...

...Трое всадников приближались к темному переулку, в ярком свете луны уже были видны стальные поножи и наручи, шлемы на головах двух всадников. Первый из рыцарей был в широком берете. Они не готовились к бою, скорее – просто путешествовали. Рыцари разговаривали – их голоса разносились эхом по Старой Храмовой улице, где когда-то первыми из первых были могущественные тамплиеры.

Когда всадникам до переулка проехать оставалось не больше сорока шагов, лошадь одного из ночных разбойников неожиданно заржала, за ней – другая. Главарь гневно оглянулся назад – разбойники замерли. Они выдали себя! Рыцарь в берете, возглавлявший

тройку, взмахнул рукой, и всадники остановились. Один из них вытащил меч. Затем, придерживая коней, двинулись вновь.

Они ехали медленным шагом...

Главарь понял, что терять время больше нельзя. Он легонько ударил коня шпорами:

– Время пришло – за мной! – шепотом, горячо сказал он. – Герцог – мой!

Главарь первым выехал в свет луны, и ночное серебро четко отпечатаало тонкий серповидный шрам – он пересекал левую часть его лица от уголка глаза до подбородка.

– Если вы разбойники, то вложите свои мечи в ножны! – громко выкрикнул рыцарь в берете. – Я герцог Орлеанский! Пропустите нас, и вы будете прощены!

А вся вооруженная ватага уже вырывалась из темного переулка и разрозненно неслась на трех путников. Людовик успел перегляднуться с товарищами. Кто мог рискнуть напасть на могущественного вельможу? – обманутый муж? Рыцари, держа в руках мечи, окружив сюзерена, приготовились к нападению.

– Я Людовик Орлеанский, брат короля! – как можно громче выкрикнул герцог.

Главарь банды, опередив других, остановил коня в десяти шагах от герцога.

– Ты нам и нужен! – зарычал он и поднял арбалет. Стрела смотрела точно на Людовика Орлеанского...

Рыцари, телохранители герцога, не знали, кому отвечать – тем, кто через несколько секунд превосходящими силами должен был врезаться в их ряд, или отразить нападение арбалетчика. В это мгновение стрела ударила вперед, но герцог успел дернуть за узду и поставить коня на дыбы. Животное приняло удар на себя и, припав на задние ноги, стало заваливаться назад. Тем временем рыцарь, что ехал от герцога по правую руку, держа меч, уже припустил на обидчика, но тот отбросил левой рукой широченный плащ – и теперь держал второй арбалет. Удара мечом не последовало – стрела пробила шею налетевшего рыцаря и тот слетел с коня – упал под копыта окружавшей их ватаги. Часть ее уже набросилась на третьего рыцаря, что пытался отбить своего хозяина, упавшего вместе со смертельно раненным конем на мостовую.

– Именем короля! – отбиваясь, кричал рыцарь. – Стража, сюда! Жизнь герцога Орлеанского в опасности!

Его ловкий меч уже рассек лицо одному из бандитов, что лезли вперед, мешая друг другу; рассек другому плечо; поразил коня третьего в шею, и тот, бешено заржав, понес, но тут же, сбросив седока, упал, истекая кровью.

Но слишком много было нападавших – рыцаря герцога ударили в бок топором, а меч другого нападавшего ударил ему в шею. И еще один удар топора пришелся на голову...

Людовик Орлеанский отбивался один, прижавшись к стене. Он уже поразил одного из нападавших. Но герцог был без лат, только кольчуга. И поэтому каждый удар, который он не успевал отбить, лишал его сил. В какой-то момент герцог схватился за грудь – он был ранен, но любопытному Этьену, бандиту с большой дороги, показалось, что колдун Людовик Орлеанский хочет воспользоваться мандрагорой. Что теперь вся надежда врага только на дьявола, которому он поклоняется!

– Бойтесь мандрагоры! – вопил вооруженный боевым топором Этьен. – Он вызывает дьявола! Бойтесь мандрагоры!

Нападавшие разбойники отступили – герцог держался за грудь!

– Расступитесь! – заорал кто-то за их спинами. – Все – вон!

Точно молния, перед Людовиком вырос человек с тонким шрамом, пересекавшим темное лицо. В руках он держал арбалет. Однажды герцог предсказал близким свою собственную смерть, он видел ее во сне – она подкараулила его на темной улице. Но он никогда толком не верил в собственное предсказание! И вот теперь эта смерть была отчаянно близка – такая

неожиданная и бесславная! Помощи ждать было неоткуда. Но он еще крепко держал в руке меч и смотрел на этого человека. Он знал его, но откуда?

Стрела ударила ему точно в грудь, пробив левую руку, пригвоздив ее к телу. Но эта рана была не смертельной – кисть руки и кольчуга смягчили удар.

Зарычав, Людовик Орлеанский пошатнулся...

– На землю его! – выкрикнул главарь бандитов. – На землю!

Бандиты раздумывали, но недолго. Они бросились и повалили герцога, вырвали из его руки меч.

– Топор! – закричал главарь. – Топор мне!

Этьен протянул предводителю шайки оружие.

– Держите его руку! – не унимался тот. – Быстрее!

Здоровяк Этьен наступил герцогу на правую руку.

– Мерзавцы! – хрипел герцог. – Мерзавцы...

Главарь встал на одно колено, быстро склонился над герцогом.

– Ты не помнишь меня?!

Герцог хрипел, он хотел плюнуть тому в лицо, но не смог – задыхался от раны в груди.

– Так помнишь или нет?!

– Мессир де Ба, торопитесь! – закричали сзади. – Охрана может прийти в любую минуту!

– Тогда вспомни моего брата, которого ты приказал сжечь живьем! – выкрикнул ему в лицо наемный убийца. – Жана де Ба! Вспомнил?!

– Бо Клер, черная душа! – хрипло выдохнул герцог.

– Да, Бо Клер! И это меч твоих солдат располосовал мое лицо! Пришло время возмездия! За моего брата, моего хозяина – герцога, и меня!

Это были самые страшные мгновения для Людовика Орлеанского – за все его тридцать пять лет жизни! И многое пронеслось за эти мгновения перед ним. Сгорающие заживо придворные, его друзья и подруги, которые ради маскарада, полуголые, измазались смолой и пугали друг друга, точно дикари, а он, напившись, забыл о предосторожности и случайно запалил многих из них принесенным факелом. Вспомнил покаянную процессию и себя, идущего босиком, в рубище, по февральскому снегу парижских мостовых. Вспомнил вопящего на костре Жана де Ба – некроманта и колдуна, служившего Жану Бесстрашному, которого он осудил и поспешно повелел сжечь. Его брат Жак вступился за брата, и солдаты располосовали тому лицо. Вспомнил соблазненных женщин и обманутых мужей, которые ничего не могли сделать второму человеку в королевстве, а подчас и первому... Но вид изуродованного лица убийцы и занесенный над собой топор заслонил другой человек, которого здесь не было. Хищная физиономия Жана Бургундского, одержавшего верх, победившего в этой схватке, длившейся столько лет!..

– Будь проклят! – все, что успел сказать герцог своему палачу. – Ты и твой хозяин!

Топор ударил сухо, и герцог, чья рука обрубком осталась лежать на мостовой, взвыл – последний раз в жизни. Потому что следующий удар топора пришелся ему по голове. Кровь и мозги растеклись по мостовой, обрызгали сапоги бандита; вторым ударом де Ба разделал голову Людовика Орлеанского окончательно, как разделявают бычью голову для готовки. Обезображенный герцог теперь мало походил на себя.

Главарь бандитов вытащил из ножен меч. Схватив его обеими руками, в кулаки, он пружинисто поднял оружие и, нацелив на грудь погибшего, ударил его уже в остановившееся, мертвое сердце. Теперь Жак де Ба должен был выполнить указание хозяина. Он присел у тела герцога и залез под разорванную накидку и иссеченную кольчугу рукой. Вот он нащупал цепь, за ней – медальон. Мгновение, и тот висел у него на указательном пальце.

Жак де Ба встал и усмехнулся:

– Сокровище герцога Орлеанского! Вот чего ты боялся, Этьен!

Любопытный здоровяк плюнул в сторону покойного.

– Обшарьте его, все, что найдете – ваше, – пряча в карман медальон, кивнул предводитель.

Подручные в считанные секунды сорвали с пальцев покойного перстни, едва не сцепились из-за обрубка руки – им завладел здоровяк Этьен и не хотел делиться. Сделав свое дело, оставшиеся в живых разбойники переглянулись. Какой гиене не хочется вцепиться зубами в мертвого льва, только что ломавшего хребты их сородичам! Не долго раздумывая, у кого был меч, у кого топор, они набросились на тело герцога и азартно искромсали его на куски.

– Хватит! – окриком прервал пир своих коршунов Жак де Ба. – Дело сделано... Заберите наших людей, кто еще жив, остальным разбейте лица: никто не должен их узнать, и уходим. Живее!

Разбойники, собираясь наспех, зло поглядывали на еще недавно могущественного человека, который если кого и боялся, то только Господа Бога, хотя в это мало кто верил. А нынче похожего на безжалостно забитое животное.

...По дороге на восток, в сторону далекой Лотарингии, ехали две кареты и конный эскорт. Не менее недели предстояло путешественникам месить осеннюю грязь до границ герцогства Барского, только на ночь оставаясь в замках, вельможи которых были преданны Орлеанскому дому. И там еще дня три до земель Арк-ан-Барруа.

– Как девочка? – на рассвете, поравнявшись с окном кареты, серьезно, точно он был ее отцом, спросил Карл у выглянувшей старшей кормилицы, заспанно смотревшей на окрестности.

– Спит, монсеньер, – почтительно ответила служанка королевы. – Ангелок, да и только.

Она поинтересовалась у юного герцога, скоро ли будет остановка, и тот ответил утвердительно. Любые опасности могли встретить на пути юного Карла Орлеанского. Но он поклялся довести до места в целостности и сохранности сводную сестру, едва лишь увидевшую свет. Поклялся отцу, которого уже не было в живых...

4

За ночь королева передумала многое. Куда подевался ее возлюбленный? Он обещал вернуться – только проводить за ворота их маленькую Жанну и вернуться! Другая приветила его? Нет, не мог он променять ее на другую женщину в эту ночь! Поступить с ней так подло, низко. Только не это...

Но уже скоро, глядя на ночные улицы города из окна своей спальни, женским сердцем королева почувствовала: что-то случилось!

А едва рассвет коснулся крыш столицы, дворец Барбетт проснулся. На Старой Храмовой улице была кровавая стычка! Много убитых! Трупы обезображены, особенно один.

Изрублен на куски.

Королева, так и не сомкнувшая глаз, затрепетала. Как он был одет, этот человек? Ей сказали – кольчуга, теплая накидка, рядом лежал роскошный меховой плащ. Все пропитано кровью. А был ли синий берет, расшитый золотыми лилиями? Да, был. Он лежал в стороне. Королева не желала верить услышанному. Но стража доставила ей этот берет и золотую серьгу, которую в кровавой жиже, оставшейся от головы убитого, разбойники упустили. Королева закрыла лицо руками и лишилась чувств.

К месту преступления в окружении конной охраны торопился герцог Беррийский – дядя короля и его опекун. Светало. Громко стучали копыта полутора десятков лошадей по ночной мостовой. Ему только что сообщили о бойне на Старой Храмовой улице. Ночные бои нередко случались на улицах Парижа. Рогатый муж мстил любовнику, возвращавшемуся

от его жены. Просто шайка разбойников подкараулила кого-то. Или это была вендетта между враждовавшими дворянскими семьями. Но герцогу Беррийскому сообщили, что королева признала вещи одного из убитых – берет и серьгу. И то, и другое, по ее словам, принадлежало его племяннику Людовику Орлеанскому. А кому, как ни Изабелле Баварской, знать такие подробности! Всего три дня назад он и королева мирили Людовика с Жаном Бургундским в соборе Парижской Богоматери. Так неужели – Жан? Но они причастились одной облаткой, обменялись медальонами со своими инициалами и поклялись в вечной дружбе! Неужто – клятвопреступление?

Такую новость поистине можно было сравнить с землетрясением, извержением вулкана. Такое событие могло изменить судьбу всей страны – и не в лучшую сторону. Герцог Беррийский торопился. Только бы все оказалось ошибкой!

Квартал был предусмотрительно оцеплен. Несмотря на то что светало, везде стояли стражники с факелами. На месте преступления уже находился прево Парижа Эдмон де Тиньоевиль.

Герцог Беррийский спешил. Картина, представшая взору вельможи, поразила его. Кровавая баня! Шесть или семь трупов, он так и не разобрал, укрытые плащами и дерюгами, лежали на мостовой. Но только на одного был наброшен дорогой, подбитый мехом плащ, окровавленный – и только он не отпускал внимание...

– Монсеньер, – приветствовал важную персону прево столицы. – Открыть! – бросил он солдатам. – И больше огня! Факельщики!

Богатый плащ стащили с трупа, и прево вопросительно посмотрел на вельможу. Герцог Беррийский приблизился, прищурил глаза и... замер.

– Это Луи, – сказал королевский опекун. Среди солдат пошел ропот. Пораженный до глубины души, вельможа недоуменно покачал головой: – Это герцог Орлеанский – сомнений нет...

Взгляд герцога Беррийского и прево Парижа встретились.

– Кто, по-вашему, мог совершить такое злодеяние, монсеньер? – спросил де Тиньоевиль.

«Возлюбленный брат мой, Людовик, прости меня и прими от меня заверения в вечной дружбе!» – и сейчас в ушах королевского опекуна звучал голос Жана Бургундского.

– Даже представить не могу, у кого хватило отчаяния посягнуть на брата короля, – ответил герцог Беррийский. – Но я надеюсь, что вы приложите все усилия, чтобы найти его убийц. И я уверен, что ваши полномочия для этого дела должны быть особенными.

– Конечно, монсеньер, – едва заметно поклонился прево.

«Вот так приходит война», – думал дядюшка двух враждовавших племянников, один из которых этой ночью был зверски убит на мостовой Парижа.

Изрубленное тело герцога, найденное в луже свежей крови, среди других трупов, отнесли в ближайшую церковь Блан-Манто и отдали в руки священников.

Весть разнеслась по Парижу мгновенно. Друзья герцога Орлеанского пылали гневом, враги – затаились. Любое злорадство в эти дни могло быть жестоко наказано.

Простые горожане трепетали – слишком много перемен пророчило это событие! Об убийстве говорили шепотом: охота на преступников была объявлена. С молчаливого соизволения короля, которого в очередной раз оставил разум, и по приказу королевы Франции и герцога Беррийского охоту возглавил прево Парижа, давший слово покарать преступников. Двор требовал найти и со всей строгостью наказать убийц Людовика Орлеанского. Громче других требовал наказания Жан Бесстрашный.

Похороны были назначены на 25 ноября...

И вот, траурная процессия текла темной неспешной рекой по улицам Парижа. Гроб несли в родовую усыпальницу Герцогов Орлеанских – в монастырь целестинцев.

Королева была так бледна, что, казалось, она вот-вот испустит дух. У гроба шел кривоногий Жан Бесстрашный, в черном одеянии, и плакал горькими слезами. Позже поговаривали, что от него пахло луком, потому что слезы градом текли из его глаз, и он размазывал их по некрасивому лицу. А в его парижской резиденции, в ларце, за семью замками, сейчас хранился амулет убитого Людовика. Жан Бесстрашный боялся к нему прикоснуться – а вдруг мандрагора будет мстить за смерть хозяина? Но избавиться от нее он тоже не решался. Дядюшка Жана Бургундского, герцог Беррийский, время от времени поглядывал на племянника, но не произносил ни слова.

– Возлюбленный брат мой! – громко восклицал герцог Бургундский, ловя на себе испытующие взгляды придворных. – Зачем ты оставил нас? Куда ушел? Где те злодеи, что убили тебя? Господь покарает их!

Аристократки Парижа одели траур. Многие горевали всем сердцем, другие – злорадно усмехались, но про себя. Но мужья и первых, и вторых, также одетые в траур, ликовали.

Настоящим делом в эти дни занимался только один человек – прево Парижа Эдмон де Тиньоевиль. У одного из убитых разбойников, лица которых были изуродованы, были особые приметы. Не хватало трех фаланг на трех пальцах левой руки и правого уха. Потрепал кто-то негодяя! Назначили денежную премию за опознание, и люди прево бросились в самые «темные» уголки Парижа. И трущобы заговорили. Двое сомнительных личностей опознали в разбойнике некоего Жиля Забияку, отчаянного парня, что подрабатывал на большой дороге головорезом. Свидетелей опрашивал сам прево де Тиньоевиль. «А есть ли родственники у этого Забияки?» «Нет, он сирота, монсеньер», – отвечали те. «А друзья?» «Друзья были! Самый близкий – Этьен Громила. Их водой не разольешь! Где один, там и другой!» «И чем занимался этот Громила?» «Да тем же, чем и Забияка, монсеньер». «И как же его найти, Этьена Громилу? – Прево вытащил из кармана плаща туго набитый кошелек. – Где он бывает, где мог спрятаться в случае опасности?» Двое сомнительных личностей переглянулись – они уже предвкушали сладкую жизнь!

Спустя несколько дней в одной из дешевых парижских таверн, где собирается разный сброд, отыскали Этьена Громилу, пьяного до беспомысленности, разбогатевшего, как сказали его собутыльники, и доставили напрямик в камеру пыток. На дыбе он сознался, что участвовал в ночном нападении на трех рыцарей. Но кто они – он не знает. Тогда его сняли с дыбы и положили на решетку, под которой палач раздувал мехами огонь. И вот тут уже, покрываясь поджаристой корочкой, Этьен Громила сдался. Выдал всех и вся. Рыцарь, за которым они охотились, был герцогом Орлеанским, а главарь бандитов – подручный герцога Бургундии.

Прево сообщил герцогу Беррийскому, что кровавые следы тянутся ровнехонько к парижской резиденции Жана Бургундского. Королеве подробности сообщать не стали: она – женщина, тем более пока еще облаченная огромной властью, и могла наделать глупостей.

Герцог Беррийский решал важную дилемму. А именно: в Париже было две главные силы – Орлеан и Бургундия. Глава Орлеанского дома убит. Его не вернешь. Король давно не в счет. А после смерти Людовика – и королева. Карл Орлеанский слишком молод, чтобы стать достойной опорой своей династии. Убийцы его отца в любой момент могут дотянуться и до мальчишки... А вот Жан Бургундский – по-прежнему могущественный вельможа, мстительный и коварный. И очень богатый! Сильнее его – только единодушие Королевского Совета.

Прево Парижа господин де Тиньоевиль настаивал на свободном проникновении полиции в любой дворец столицы – невзирая на лица. Герцог Беррийский и жаждавшая мести, но мало осведомленная о подробностях трагедии королева согласились. В этот же день на совете герцог Беррийский отозвал племянника в сторону и произнес голосом палача:

– Нам обо всем известно, Жан.

Тот вспыхнул до корней своих редких волос:

– О чем?!

И тогда дядя, сурово прихватив края своего роскошного плаща, подбитого соболиным мехом, спросил прямо:

– Это ты приказал убить Людовика?

На этот раз низкорослый Жан побледнел и узкие губы его задрожали:

– Как вы могли подумать, дядюшка?! – едва сумел произнести он.

– Ты приказал? – повторил безжалостный вопрос герцог.

Жан Бургундский понял, что тайное стало явным, и ему не отвертеться. Он стал еще бледнее. Взгляд его дяди был неумолимым.

– Я приказал, – выдохнул он. Отчаяние уже душило сознавшегося преступника. Жан ухватил герцога Беррийского за подбитый мехом рукав. – Бес меня попутал! Дядюшка!! Бес попутал!

Но тот только сокрушенно покачал головой:

– Твой благородный дед плачет на небесах! Его внук – клятвopреступник и братоубийца... Беги из Парижа. Лети, как ветер. Я предупредил тебя. Но это все, что я могу для тебя сделать. Беги сегодня же. Сейчас же!

...И герцог Бургундский бежал. Он летел как ветер, или почти как ветер, потому что был обременен прихваченным из своего парижского дворца добром.

Он уже точно знал, что не вернется...

В те же самые дни в Париж возвращался Карл Орлеанский. Гордый тем, что выполнил волю своего отца, юный герцог вспоминал недавнюю встречу новорожденной принцессы с ее названными родителями. Они приехали в поместье д'Арков ночью, когда пели первые петухи. Их ждали, и потому встретили с факелами.

Жак д'Арк, этот захолустный вояка, поклонился юноше и произнес: «Добро пожаловать, благородный принц!» Затем няньки внесли девочку в дом, и уже там жена д'Арка взглянула на лицо той, что отныне должна была зваться ее дочерью. «Отец и королева приказали заботиться о девочке так, точно в ней вся ваша жизнь, – строго сказал юноша. – Это слова его высочества герцога Людовика Орлеанского». «Она будет нам дороже наших детей», – сказала Изабелла де Вутон, жена Жака д'Арка. «Мы будем беречь ее как зеницу ока», – поклонился ее муж.

Дело было сделано, и теперь Карл мог вернуться обратно. Перед Парижем он надеялся сделать круг и заехать в Блуа, к матери. Карл Орлеанский старался как можно чаще навещать ее – Валентине Висконти не хватало придворной жизни. Выброшенная из столицы жестокой родственницей – королевой Изабеллой Баварской, герцогиня коротала свои дни за чтением книг, музицировала и воспитывала детей.

5

Прошло уже три недели, как замок Шатонёф-сюр-Луар затаился. Скорбной тишиной наполнилось все. Здесь говорили шепотом даже днем.

В своих покоях, в кресле сидела женщина. Одета в полупрозрачную шелковую рубашку до пят, она сжалась в этом кресле в комок, подтянув колени к подбородку. Ее длинные темные волосы были распущены и закрывали пол-лица. Черные заплаканные глаза смотрели в пустоту. Они ничего не видели – были слепы.

Дверь в покои приоткрылась, осторожно вошла служанка.

– Госпожа... – тихо проговорила она.

– Уходи, я никого не хочу видеть... Никого.

– Прибыл его высочество, ваш сын Карл...

Это имя заставило женщину немного ожить:

– Оденьте меня.

Если бы Валентина Висконти не боялась кары Господней, то приняла бы яд. Зная о похождениях Людовика, она принимала его таким, каким он был, и безоглядно любила. Когда-то их роман был одним из самых ярких романов в королевстве. Валентина Висконти числилась самой желанной невестой в Европе, ее приданое было огромным, красота – необыкновенной, а природный ум и богатство души считались выше всяких похвал. Правда, она была кузиной своего жениха, и для свадьбы им понадобилось разрешение папы римского.

При дворе Валентина сразу приобрела огромный вес – ей помогали врожденный интеллект, утонченность вкусов, способность вести беседу на нескольких европейских языках и умение играть на арфе. А главное... ее присутствие благотворно сказывалось на самочувствии короля. Это замечали все придворные. Да и безумный король, когда приходил в норму, не отпускал ее от себя! Он млел от одного ее голоса! Изабелла Баварская бесновалась. У нее не было талантов Валентины Висконти, она уступала ей в красоте. И потом, мать Валентины была французской принцессой, дочерью короля! Двор все более влюблялся в ненавистную итальянку...

В одно из продолжительных умственных затмений своего мужа, Изабелла Баварская, заручившись поддержкой бургундского лагеря, обвинила Валентину в колдовстве и черной магии.

– Она насылает порчу на моего мужа – вашего короля! – на Королевском Совете во всеуслышание заявила двадцатипятилетняя королева Изабелла Баварская. – Карл Шестой, милостью Господа король Франции, зависим от нее! Она пользуется его болезнью! Но это еще не все! Она пыталась отравить моего мальчика, дофина, яблоком, пропитанным ядом!

Дофину и впрямь тогда не здоровилось. Нанося удар по Валентине Висконти, бургундцы били по Людовику Орлеанскому, в то время не ладившему с ревнивой королевой. В перспективе они надеялись совсем избавиться от него...

Людовику ничего не оставалось, как пойти на компромисс. Он согласился отстранить свою жену от двора, а позже Валентине Висконти пришлось уехать и дальше – на Луару.

Изабелла Баварская торжествовала...

И если теперь, в 1407 году, что и объединяло двух женщин, двоюродных сестер, ровесниц, так это общая скорбь – о потерянном любовнике, друге и муже. Одна горевала в Париже, во дворце Барбетт, другая – в Шатонёф-сюр-Луар, на землях, принадлежащих Орлеанскому дому.

Карл Орлеанский вошел в покои матери потрясенным и сраженным страшной вестью. Это был удар ножом в спину, но не смертельный – с этим ножом ему предстояло жить дальше! Помнить об этом и мучиться болью – каждую минуту, во сне и наяву. Валентина держала на руках четырехгодовалого светловолосого мальчика. Он улыбался, не понимая, что к чему. Мальчиком был незаконнорожденный сын Людовика Орлеанского и Мариетты д, Ангьен, фрейлины королевы и лучшей танцовщицы, прозванной при дворе «красавицей с короткими волосами», которую не смог пропустить любвеобильный герцог. Два года назад Мариетта внезапно умерла, и Людовик привез сына доброй жене – Валентине Висконти. «Какой ангелочек! – воскликнула она. – Можно подумать, что его у меня украли. – Тогда она взглянула на мужа. – Я с радостью стану ему матерью!» Она взяла мальчика на воспитание и ничем не отличала его от своих детей. Кроху звали просто – Жан, Орлеанский Бастард⁹.

Со слезами на глазах Карл бросился к матери и упал перед ней на колени.

---

⁹ Орлеанский Бастард – будущий легендарный сподвижник и близкий друг Жанны д'Арк, блестящий полководец, вошедший в историю Франции как «граф Дюнуа».

– Какое горе, Карл, – только и смогла проговорить она.

– Матушка, Господи, матушка, – уткнувшись лицом в ее колени, повторял юный герцог.

Весть о том, что убийство Людовика Орлеанского подстроено его бургундским кузеном, уже стремительно распространялась по Франции.

– Мы поедem к королю и потребуем отпущения, – стараясь совладать с чувствами, понимая, что нужно быть сильной, гордо проговорила Валентина. – Карл Шестой услышит меня!

6

Добравшись до города Лилля, Жан Бургундский отдышался. Там же, в Лилле, он собрал всех своих вассалов. Они рукоплескали своему сюзерену. Что могло быть похвальнее, чем убить Людовика Орлеанского? Одним ударом отсечь голову грозному противнику!

И тогда Жан Бургундский задумался: а чего он, собственно, боится? Король – безумен, королева – уязвима. Он найдет на нее управу – слишком много водится за ней грехов! Есть еще Карл Орлеанский и Валентина Висконти. Но его дядюшка герцог Беррийский и весь двор будут на стороне сильного.

А он – сильная сторона!

Жан Бургундский вызвал к себе францисканского богослова Жана Пети, известного своими победоносными дискуссиями.

– Я хочу не только королевского прощения, – сказал он богослову, – но оправдания! – Аппетиты его к тому времени уже разгулялись не на шутку. – Франция должна поблагодарить меня за то, что я избавил ее от тирана, желавшего не только расправиться со своим братом, законным королем, но уничтожить его детей и сесть на его трон! – Жан Бургундский весело развел руками. – Ваша работа будет вознаграждена поистине с королевской щедростью! Главное, – мрачней, добавил он, – вам должны поверить, мэтр Пети!

Францисканец поклонился.

В документе, который был сочинен в рекордно короткие сроки, Людовик Орлеанский обвинялся как «чернокнижник и колдун, который с помощью магии и по наущению дьявола навлек на короля, Карла Шестого Валуа, безумие, а также хотел отравить дофина и стать королем». Но это было еще не все! Жан Пети утверждал, что Людовик Орлеанский – тиран, желавший узурпировать власть, а убить тирана – не зло, а благо!

В те дни, когда сей славный документ распространялся по всей Франции, в Париж прибыли Валентина Висконти и Карл Орлеанский. Они предстали перед королем во дворце Сен-Поль.

Карл Шестой сидел на троне, волосы его спутались, замутненный взгляд терялся в пустоте залы. Король был подозрительно неподвижен; казалось, он боялся пошевелить и пальцем.

Валентина Висконти бросилась на колени перед своим царственным кузеном:

– Ваше величество! Ваш родной брат Людовик, единственный брат, – подло убит! Его труп был иссечен на куски и брошен на мостовой! И сделал это все – Жан Бургундский! Он сознался в своем преступлении! Мы, я – вдова убитого, и его сын – ваш племянник, просим королевского правосудия! Накажите преступника! Предайте его суду!

Карл Орлеанский, бледный и притихший, стоял в стороне. Он не мог отвести глаз от своего дяди. Тот походил на птицу, уснувшую в клетке. На птицу, которой ни до кого и ни до чего нет дела.

– Ваше величество! – рыдая, воскликнула Валентина Висконти, – государь! Будем ли мы услышаны?

Король по-прежнему смотрел над головой свой кузины – в пустоту. Неожиданно он шевельнул рукой и поднял ее; очень осторожно, точно боясь удариться о невидимую пре-

граду, король поднес руку к лицу; медленно выставив указательный палец, он коснулся им бледных губ:

– Тсс! – тихо сказал король. – Я тонкий стеклянный сосуд, милая женщина. Разве вы не видите? Если вы будете так сильно плакать, я не выдержу и расколюсь на мелкие части. Осколков даже не соберете. А ведь я очень красивый сосуд, не так ли?

– Ваше величество, – в отчаянии пробормотала Валентина Висконти. – Ваше величество, Господи...

Но Карл Шестой настойчиво повторил:

– Тсс! Ступайте и не тревожьте меня. Ступайте...

Карл Орлеанский опустил глаза. Велико было отчаяние в его душе! Король был их надеждой, но до него не достучаться. Оставалась королева. Всего месяц назад она так радушно принимала его. Пусть королева, его теща и тетка в одном лице, ненавидит его мать, но она должна помочь ему! Юноша взглянул на безразличного ко всему дядю, на мать, склонившую голову перед безмолвным и безумным государем. Ведь Изабелла Баварская любила его отца! И он только что доставил по назначению их маленькую дочь – Жанну. Он бы погиб за нее, если было бы нужно!

В это же самое время послы Жана Бургундского вели переговоры с Королевским Советом о прощении герцога и признании его невиновным. Герцог Беррийский, возглавлявший совет, понимал, что ему рано или поздно придется принять условия племянника. Но было необходимо согласие королевы. Положение оказалось сложным! Именно сейчас голос Изабеллы Баварской мог стать решающим на чаше весов – остаться Жану Бесстрашному преступником в глазах французов или благодетелем королевства.

И именно сейчас во дворце Барбетт королева принимала гостя.

– Видите ли, ваше величество, – облаченный в доспехи, в плаще, подбитом мехом, говорил он, – у вас нет выбора. Людовика Орлеанского больше нет. Заступиться за вас некому. Вы – одна. Двор не любит вас. Он только и ждет, когда вы оступитесь. И стоит королю прийти в себя, как все ваши... романы станут известны ему в подробностях. Карл Шестой Валуа не простит вам. Вы стоите перед выбором: быть по-прежнему королевой и стать верным другом и союзником герцога Бургундского, или – оказаться над пропастью...

– А если я сейчас же прикажу схватить и казнить вас? – бледная от страха и гнева, процедила Изабелла Баварская.

– Вряд ли вы это сделаете, ваше величество. Я не буду лукавить. Герцог Бургундский расправился со своим врагом – Людовиком. И то же самое он сделает с вами. Герцог просил передать вам, что не остановится ни перед чем...

– Да как вы смеете?!

Смуглый рыцарь усмехнулся:

– Раз говорю, значит смею. – Левую часть его лица пересекал серповидный шрам – от уголка глаза до подбородка. Королева трепетала, когда встречалась взглядом со своим гостем – он был похож на хищного зверя. Его хотелось раздавить, но он был слишком силен. За ним стоял кривоногий коротышка Жан Бургундский и смеялся ей в лицо. – Герцог уже приближается к Парижу во главе целого войска. Королевский Совет вот-вот сдастся. Решайте. Сегодня его высочество предлагает дружбу – так воспользуйтесь ею. Завтра он предложит вам позор и опалу!

Жан Бургундский въехал в Париж триумфатором. Людовик Орлеанский был единодушно признан Королевским Советом и самой королевой колдуном, чернокнижником и тираном, от которого стоило избавить Францию.

Валентина Висконти и Карл Орлеанский, униженные и оскорбленные, вернулись в Блуа. Вместе с сыном герцогиня нашла некоего аббата Серизи, что написал речь, оправдывающую герцога Орлеанского, в пику обвинению Жана Пети, но эта речь большого дей-

ствия не возымела. В память о муже Валентина Висконти заказала для себя новый герб – серебряный фонтан слез. Также она взяла девиз: «Ничто больше не имеет значения!»

Полностью опустошенная смертью мужа, Валентина Висконти умерла 4 декабря 1408 года в Блуа. Многочисленная семья была с герцогиней до последнего ее вздоха. «Она умерла от горя», – сказал ее исповедник. Смерть матери, последовавшая через год после смерти отца, ожесточила сердце Карла Орлеанского. Одной из оплакивающих Валентину была ее невестка Изабелла – дочь Изабеллы Баварской.

Но незадолго до смерти, точно предчувствуя близкую кончину, Валентина Висконти призвала к себе Карла Орлеанского и маленького Бастарда. Взяв их за руки, она попросила юношу и малыша дать ей клятву – отомстить за убитого отца и его опороченное имя. Малыш, до сих пор плохо понимавший, куда подевался его отец, пролепетал клятву за старшим братом.

В тот день Карл Орлеанский не сомневался, что выполнит данное матери слово.

7

Как это ни странно, но дальнейшую судьбу Франции должна была определить смерть еще одной герцогини Орлеанской. А именно – Изабеллы, супруги Карла Орлеанского, дочери Изабеллы Баварской. Смерть безвременная и трагичная. Двадцатилетняя принцесса умерла родами 13 сентября 1409 года, оставив безутешному восемнадцатилетнему герцогу дочь Жанну...

Чуть ранее молодой герцог написал королю письмо, где были такие слова: «Мне отказано в том, в чем не может быть отказано беднейшему из ваших подданных – в справедливости!» Его апелляции на королевское имя не принесли результатов.

Жизнь заставила рано повзрослеть этого юношу. Потеряв могущественного отца, за которым он чувствовал себя, как за каменной стеной, потеряв мать и любимую жену, юный Карл Орлеанский в свои восемнадцать лет оказался главой второго по значимости рода в королевстве.

И первым, что он сделал, объявил войну герцогу Бургундскому. Он объявил ее официально – Карл бросил вызов своему дяде перед лицом всей страны. На его одежде появились девизы: «Бог знает все!» и «Помни». Но в 1409 году, на время поладив с рассудком, король приказал помириться двум домам – Орлеанскому и Бургундскому. Жан Бургундский согласился сразу. Заартачившимся орлеанам пригрозили поставить их вне закона.

Мир был подписан в Шартре. Для торжественного действия туда были вызваны все сыновья Людовика Орлеанского и Валентины Висконти.

– Хорошо бы зараз перебить всех орлеанских щенков! – шептались бургундцы.

Но рыцари из Орлеанского дома, переживавшие подписание унижительного мира не менее тяжело, чем их юные принцы, готовы были в любую минуту броситься в бой и погибнуть за честь своих еще неокрепших союзников.

– Потерпите, – говорил своим баронам Жан Бесстрашный. – Придет время – никого не оставим!

Еще год спустя овдовевший Карл Орлеанский женился второй раз – на дочери влиятельнейшего сеньора Франции Бернара д, Арманьяка – Бонне д, Арманьяк. Это был чисто политический союз – Бонна еще играла в куклы. Дедушкой Бонны был не кто иной, как все тот же ловкий дипломат и опекун безумного короля герцог Беррийский...

Этот союз и переменял всю расстановку сил в королевстве. Бернар Арманьяк взял управление Орлеанским домом в свои руки, и бургундцы почувствовали опасность. Что до Карла Орлеанского, то смерти самых дорогих ему людей, следовавшие одна за другой, надломали волю принца. Он отстранился от политики и неожиданно начал писать стихи.

Его так увлекло новое поприще, что он был занят им с утра до вечера. Наконец-то он обрел долгожданный покой!

Но счастливое время продлилось недолго – две силы, уже прозванные в королевстве «арманьяками» и «бургиньонами», двигались друг на друга. И предотвратить это столкновение в государстве, где отсутствовала реальная центральная власть, было невозможно.

Гражданская война стала неизбежной реальностью, и оба лагеря стали искать поддержки у англичан. В 1412 году, надеясь на помощь из-за Ла-Манша, Карл отдал в заложники англичанам младшего брата Жана Ангулемского. Наиболее миролюбивые члены Королевского Совета предлагали двум домам – Орлеанскому и Бургундскому – забыть обиды и породниться, но это было невозможно. Принцы крови ненавидели друг друга. Карл Орлеанский потребовал от Жана Бесстрашного публичных извинений за убийство своего отца, но бургундец во всеуслышание ответил: «В аду ему самое место!»

8

Улицы Парижа бунтовали. Столица давно походила на море, в глубинах которого проснулось чудовище. Два года назад отдельные стычки между арманьяками и бургиньонами, происходившие после убийства герцога Орлеанского, наконец-то переросли в открытую войну. Она была развязана с ожесточением обеими сторонами – дворяне ее ждали давно. Бургиньоны желали войны, потому что чувствовали за собой силу – их вождь был на коне. Арманьяки храбро защищались и мечтали только об одном – отомстить за убитого герцога, поквитаться с ненавистными бургундцами. И те, и другие стремились привлечь на свою сторону английского короля Генриха Четвертого Ланкастера. Он был деятельным государем и наверное сделал бы выбор, но... проказа стала его проклятием, отняла силы, загнала в каменный мешок своего дворца. Мнения сыновей короля Англии разделились: Генрих, принц Уэльский, старший по рождению, а потому наследник престола, и Джон Бедфорд поддерживали бургундцев, герцоги Томас Кларенс и Хемфри Глостер – арманьяков. Но коварный Жан Бесстрашный, герцог Бургундии, в случае его победы, пообещал англичанам за помощь владения герцогов Орлеанских. А это была серьезная наживка для англичан! Но больной Генрих Четвертый, прятаясь от подданных обезображенное лицо под капюшоном, занял позицию стороннего наблюдателя. Он и его четыре деятельных сына изо дня в день пристально следили за тем, что происходит в соседней Франции, вконец обезумевшей от гражданской распри, и выжидали. Но это было разумным выжиданием одного зверя, что наблюдает за смертельной схваткой двух других зверей...

Потоки крови, проливаемые французскими дворянами, давно истощили терпение простых людей и они взбунтовались. Это аристократам нужен был меч – без него их жизнь лишалась смысла. Но горожанам была ненавистна война: она отнимала у них хлеб и привычную жизнь – ремесленников и торговцев.

И герцог Бургундский решил воспользоваться этим. В своем авантюризме и беспринципности он пошел значительно дальше, чем от него ожидали самые смелые до предположений противники. В отличие от арманьяков, не желавших связываться с чернью, герцог сделал ставку на простолюдинов, завлекая их лестными обещаниями дать новые свободы и во всем виня своих противников.

Одним из его самых смелых ораторов был лицензиат канонического права, ректор университета Пьер Кошон де Соммьевр. Не то чтобы он рвался на такую работу, но кто платит, тот не спрашивает твоего желания. Окруженный надежной охраной на улицах столицы, Кошон говорил внимающей ему толпе:

– Парижане, скажите мне во имя Бога, сколько же мы будем терпеть насилие арманьяков? Они потеряли стыд и честь! Только власть, что они строят на потоках крови – вашей

крови! – интересуется их! – Пьер Кошон был искренен в своей ненависти к сторонникам Карла Орлеанского и графа Арманьяка. Его пестовали бургундские герцоги и от них он получал золото. – Идите же и берите Бастилию, где томятся лучшие сыны Франции! Господь взывает к вам! Берите штурмом особняки тех, кто покрывает арманьяков! Это они виноваты в ваших бедах!

Самое главное – вовремя бросить клич. И герцог Бургундский, пользуясь талантами таких, как Пьер Кошон, его бросил.

Первыми взбунтовались мясники – самая сильная и решительная порода горожан. Владельцы скотобоен взяли в руки оружие. Как дворяне – вассалов, они призвали на войну с арманьяками многочисленных подмастерьев-живодеров. За ними последовали дубильщики кож и скорняки.

Все эти люди умели держать в руках ножи и топоры. Их вождем стал неукротимый живодер Симон Лекутелье по прозвищу Кабош. Наиболее богатые горожане были рады верить такому отчаянному человеку, готовому свергнуть самого короля и его опекунов, всю полноту власти. Вверить, но – временно...

27 апреля 1413 года восставшие ворвались в Парижскую ратушу, перебив охрану, вооружились с ног до головы и осадили дворец короля. Карл Шестой, пребывая в безумии, никого не слышал и ничего не видел.

«Требуем ареста королевских чиновников!» – кричала толпа кабошьенов.

Но король молчал – он представлял себя тонким стеклянным сосудом, одно прикосновение к которому может его погубить.

«Требуем снизить налоги и обуздать аристократов!» – ревели мясники и примкнувшие к ним горожане других профессий.

Но король безмолвствовал. Он был хрупким стеклом, печально звеневшим от гула парижских улиц.

Кабошьены взяли штурмом грозные особняки сторонников арманьяков – герцогов Гиеньских и графов Артуа. Наконец они ворвались в королевский дворец и арестовали охрану дофина. Семнадцатилетний юноша, Луи, которому так и не суждено было стать королем, сидел на постели и раскрытыми от ужаса глазами смотрел на десяток мрачных людей, вооруженных ножами, копьями и топорами, застывших на пороге его спальни. Он решил, что его пришли зарезать – как свинью на бойне. Для повстанцев это было привычным делом. Луи просто не знал, что они здесь, чтобы защищать его, «несчастливого дофина», от «арманьякской нечисти». Ведь именно такова была идея похода на дворец, провозглашенная бургиньонами.

Поначалу Жан Бесстрашный уверовал, что победил. Да так оно и было! Герцог Бургундский оказался сильнее, беспощаднее и коварнее своих врагов. Он был настоящей бестией! А время арманьякской неистовости еще не пришло...

Но разбередив толпу и вооружив ее, он не сразу понял, какого зверя разбудил на свою голову. Любовь толпы оказалась еще эфемернее любви самой ветреной женщины...

В том была виновата и кровожадность бургундцев. Забыв, что их лозунгом являлось «восстановление справедливости», они занимались тем, что добивали своих врагов, которые не успели бежать из Парижа. В стремлении изничтожить арманьяков бургундцы работали мечами, копьями и топорами, не гнушались кинжалом, спрятанным под плащом, и виселицей – для публичной показухи...

Это было время расправ и беззаконий. Когда-то существовал кровожадный Рим со списками проскрипций на колоннах города, где каждое утро перечислялись новые имена людей, смерти которых требовали диктаторы.

Париж мог бы позавидовать тому Риму...

Бургундцы забыли, что мир и порядок – естественное состояние человека, что городом и страной надо управлять, а данные народу обещания – выполнять. Но только кабошьены не забыли этого. И уже скоро упивавшиеся кровью арманьяков бургиньоны сами превратились в жертв.

Для черни все аристократы на одно лицо!

Чудовище на дне морском, стряхнув остатки сна, бушевало. Оно било хвостом, разрывало дно лапами, могучим телом потрясало толщи вод.

Столица была охвачена анархией. Бургундцев побили, арманьяки были далеко. Аристократы прятались в домах-башнях, рассыпанных по городу, или убрались восвояси из столицы – в ближние замки.

Королеве и тем членам королевской администрации, что остались в Париже, пришлось идти на любые уступки. Парижане хотят, чтобы власть реорганизовала государственный аппарат в пользу простых горожан? Пожалуйста – реорганизует. Парижане требуют, чтобы власть отдала в их руки управление городом и военной охраной столицы? (Поскольку ее охраняли то арманьяки, то бургундцы, крошившие черепа друг друга, им некогда было думать о своих обязанностях.) Конечно, отдаст. Парижане желают обложить налогами городские верхи и университет? (Ох уж этот университет, выбивший себе главную привилегию – не платить налогов никому и никогда!) Да будет так!

Ордонанс от 26 мая предлагал программу «умеренных реформ» в финансовых и судебных областях. Правда, богатые горожане получали от этого ордонанса выгоды, а вот бедняки – нет. Они были бедны раньше и таковыми должны были оставаться и впредь.

Целое лето Париж пытался уразуметь, что же все-таки произошло? Пытались уразуметь бедняки. Для богатых горожан все давным-давно стало ясно. К концу лета, поостыв, кабошьены поняли, что их обманули. Городская верхушка воспользовалась их напором, как тараном при взятии городских ворот, а теперь оставляла ни с чем. Но погрозить богачам-горожанам кровавым мясницким кулаком кабошьены не успели – те призвали на выручку затаившихся, но пылавших жаждой расправы сторонников графа Арманьяка.

И чудовище на дне морском заворчалось с новой силой! Оно билось и рвалось изо всех сил, ни к кому не испытывая жалости.

Гражданская война вновь набирала силу...

Шестого сентября войско изгнанных арманьяков под предводительством Бернара Седьмого, тестя Карла Орлеанского, ворвалось в столицу и принялось истреблять зарвавшихся кабошьенов. Но это была прелюдия, разминка. Расправа аристократов над плебеями. Главная бойня ждала Париж впереди! Восстание стремительно и жестоко подавили, Кабош был казнен, ордонанс бунтовщиков отменен. И вот тут арманьяки по-настоящему сжали оружие в рыцарских кулаках, свирепо сжали: так где же у нас спрячутся эти мерзавцы бургиньоны, из-за которых и началась вся эта свара? И есть ли они? А если есть, то подать их сюда! На копья, на мечи и ножи, на плаху – под топор палача! И все то, что делали бургиньоны с арманьяками, теперь делали арманьяки с бургиньонами. Но только с еще большей злостью, накопившейся за воротами Парижа, с неистовостью и ожесточением.

Реки крови недалекого прошлого оказались пролитыми только для того, чтобы новые реки на тех же улицах выбрали свое русло и топили в бурном потоке всех подряд. В который раз ненависть рождала ненависть, месть вершила свой суд и смерть торжествовала победу.

9

Осторожно выглядывая из окна, сорокатрехлетний профессор Парижского университета Пьер Кошон, переодетый в священника, думал только об одном: «Господи, пусть они обо мне забудут!» Пьер Кошон был убежденным бургиньоном и терпеть не мог арманьяков,

которые завладели городом и теперь с завидным упрямством искали своих врагов. Им ведь все равно – есть у тебя в руке меч или нет. Оратор Жана Бесстрашного – отличная мишень. А в лицо его знали многие! Проткнут, как муху, и будь здоров! Еще несколько месяцев назад он произносил страстные речи на улицах Парижа, а теперь отдал бы многое, чтобы забрать свои слова назад. Зачем золото, если не можешь им воспользоваться? Зачем он выжидал? – терзал себя мыслями Пьер Кошон. – Почему не бежал раньше? Глупец, думал, что все обойдется. Вот так быть чересчур доверчивым! Герцог убеждал, что кабошьены в его кулаке, а арманьякам ход в Париж заказан. На деле все оказалось иначе...

День Пьер Кошон провел в страхе, прислушиваясь к крикам на улице – там кого-то резали, убивали. Наступил вечер, вопли продолжались, но теперь по улицам то и дело металась яркие огни факелов, блестело оружие. Пьер Кошон боялся зажечь даже свечу. Несколько раз слышал под своими окнами похожую друг на друга переключку голосов: «Вот этот дом!» «Какой – этот?» «Да! Здесь живет эта змея!» «Нет, этот дом давно пуст!..» И всякий раз он едва не лишился чувств. Один раз в его дверь забарабанили – стук был сильным, били рукоятью меча, не меньше. Он побежал вниз, спрятался в подвале и затих. Сейчас будут ломать дверь! – думал он. – Сейчас! Он молился не переставая, пока все не улеглось.

Пьер Кошон выбрался глубокой ночью, когда на фоне все тех же криков услышал три четких удара в дверь. Так не стучали те, кто хотел ворваться в чужой дом, чтобы прикончить хозяина на месте. Или вытащить его за шиворот на улицу и казнить там. Нет. Так стучали гости, которых он ждал, и боялся больше всего, что они забыли про него и никогда не придут!

А три удара, каждый раз – после небольшого промежутка времени, томительно и грозно волновали его дом...

Добравшись до двери, Пьер Кошон задуманным голосом спросил:

– Кто?

– Жак де Ба! Откройте, мэтр Кошон!

Он узнал голос – это был слуга Жана Бургундского! Пьер Кошон трясущимися пальцами отпер замки и открыл дверь. Шум, доносившийся с улицы, сразу стал громче.

– Тсс! – приставив палец к губам, сказал гость, одетый в черное. Под его плащом сверкали доспехи. Входя, он оглянулся назад и по сторонам, где осталась окутанная мгlistой ночью улица. В сиянии бледной луны Кошон успел разглядеть тонкий и косой луч шрама на левой щеке гостя; черные, как угли, его глаза. Борода и усы украшали теперь лицо вездесущей тени Жана Бургундского – они сильно изменили его наружность. Где-то совсем близко фыркнула лошадь, за ней – другая. За Жаком де Ба в темный проем дверей неуклюже нырнули еще два вооруженных человека, которых Кошон поначалу напугался. Пьеру Кошону в последние дни везде мерещилась смерть! Оба были в темных плащах и замерли, едва богослов закрыл дверь.

– Борода – это предусмотрительно, Жак, – сказал Пьер Кошон. – Шрам почти незаметен...

– Благодарю вас, мэтр Кошон... Вы готовы?

– Давно готов.

– Вы держали в руках меч, мэтр Кошон? – спросил у хозяина гость.

– Только деревянный, Жак, – развел руками богослов. – Я предпочел посвятить свою жизнь Богу.

– Ясно, – кивнул тот. – Эй, – обернулся он к спутникам. – Любого, кто приблизится к мэтру Кошону, убейте на месте. Я вам уже говорил это – повторяю еще раз.

Через пять минут Пьер Кошон запер дом, двое солдат вынесли сумки с самым ценным его добром и привязали к лошадям, что дожидались их рядом. Повозка исключалась – весь скарб пришлось бросить. Повозка означала бы бегство. На улице были еще двое солдат из отряда де Ба. Только оказавшись на мостовой, Пьер Кошон разглядел спутников, у каж-

дого на плаще был знак – нашивка: на серебристом поле красный лев, вставший на задние лапы. Часть герба графа Арманьяка.

– Предусмотрительно, – одобрил воинов Кошон.

– Мы не можем рисковать, – откликнулся де Ба. Он оглядел богослова с ног до головы, с улыбкой прибавил: – Сутана идет вам, мэтр Кошон.

– Благодарю вас, Жак.

Кошон забрался на лошадь, и процессия тронулась. Жак де Ба приказал зажечь факела тем из своих людей, кого поставил ехать впереди и замыкать их небольшую процессию.

– Мы не должны скрываться, мэтр Кошон, – объяснил он удивленному богослову. – Ведь мы – хозяева столицы.

Ночной Париж не спал. Тут и там рыскали конные отряды, шествовали с факелами вооруженные горожане, сторонники арманьяков.

– Смерть бургундцам! – скандировали они. – Да здравствует герцог Орлеанский! Да здравствует граф Арманьяк!

Одна из таких небольших процессий проходила мимо шести молчаливых всадников, ехавших по направлению к Старой Храмовой улице. Они были грозными, эти ремесленники, вооруженные алебардами!

– Да здравствует граф Арманьяк! – воскликнул один из горожан.

– Да здравствует герцог Карл Орлеанский! – заревел немного захмелевший второй.

Остальные повторили за ними. Горожане ждали того же и от воинов, с которыми они пересеклись.

– Да здравствуют оба! – воскликнул Жак де Ба. – Урра!

Его молчаливые слуги в один голос повторили клич предводителя.

– Урра! – закричали в ответ горожане.

– А почему не кричите вы, святой отец? – удивленно спросил первый горожанин.

– Он дал обед молчания! – строго сказал Жак де Ба. – Будьте к нему снисходительны.

Пьер Кошон кивнул, и капюшон приоткрыл его лицо. Они проехали дальше всего ничего, когда реплика одного из горожан заставила Пьера Кошона похолодеть.

– А ведь я знаю его! – негромко, но отчетливо воскликнул горожанин. – Это – проповедник!

Жак де Ба стремительно обернулся.

– Какой проповедник? – спросил второй горожанин.

– Тот самый! Что призывал резать арманьяков! Прислужник карлика – Жана Бургундского!

У Пьера Кошона кровь в жилах превратилась в лед, сердце остановилось...

– Да ну?!

– Стоп! – Жак де Ба взмахом руки остановил процессию. Отряд врос в мостовую Парижа. Пьер Кошон открыл было рот, но Жак де Ба поднес палец в перчатке к губам: – Тсс!

– Говорю тебе – это так! – уже значительно тише заверил товарища первый горожанин.

Пять вооруженных парижан нерешительно смотрели на спины всадников.

– Господи Иисусе, надо звать солдат! – наконец-то пришло откровение к одному из вояк.

– Не надо звать солдат! – поворачивая коня, холодно сказал Жак де Ба. – Не надо!.. Жюль, Эдмон!

Двое из помощников де Ба, у которых не было факелов, повернули коней. Их руки нырнули в плащи, и Пьер Кошон не успел опомниться, как четыре небольших арбалета уже смотрели в сторону потерявших дар речи горожан. Легкий свит, и четверо из них, роняя грозное оружие, рухнули на мостовую. Пятый хотел было крикнуть что есть мочи: «Бургундцы!», – но рука Жака де Ба нырнула внутрь широкого плаща, вырвала оттуда такой же миниатюрный

арбалет и стремительно направила его в сторону горожанина. «Бург!..» – только и вырвалось у того – стрела насквозь пробила ему шею. Ухватившись за короткий ее конец, захлебываясь кровью, горожанин упал на колени и, хрипя, повалился всем телом на мостовую, рядом со своими товарищами.

– Зарядите арбалеты, – приказал спутникам Жак де Ба. – Надо торопиться... Надвиньте капюшон поглубже на лицо, мэтр Кошон, – деловито посоветовал он и тут же с усмешкой прибавил: – А вы популярны!

– Благодарю вас, Жак, – едва смог вымолвить тот.

Голоса не спавших парижан раздавались всюду. Враги бургундцев распевали победные песни. Наконец отряд Жака де Ба повернул на Старую Храмовую улицу. Улицу, когда-то облюбованную тамплиерами... Навстречу к ним приближался конный отряд – человек пятнадцать, как успел рассмотреть притихший, боявшийся даже глядеть вперед, Кошон. Отряд двигался особенно чинно, не спеша, со знанием собственной значимости. Торчали вверх копья, блестели доспехи. Они были похожи на тех, кто, торжествуя победу, объезжает поле битвы. Враг повержен – опасаться больше некого. Уже можно было различить лица рыцарей. С особенной статью держался молодой человек лет двадцати трех – в богатом доспехе, с непокрытой головой, на дорогом белом скакуне.

– Куда держите путь, господа? – спросил человек из свиты молодого рыцаря.

Значки сторонников графа Арманьяка выглядели убедительно, но лица пятерых воинов были не знакомы ночному отряду. О скромном священнике и говорить не стоило – погруженный в свои думы, он склонил голову, укрытую капюшоном, и, кажется, смотрел на мостовую.

– Исповедовать мою матушку, – учтиво сказал Жак де Ба. – Скоро она предстанет перед Господом нашим Иисусом Христом. Отец Гримо, – Жак де Ба указал на священника, – милостиво согласился в столь беспокойное время помочь ее душе.

Пьер Кошон, утонув в темном одеянии, печально вздохнул. Он как бы говорил: забота о душе ближнего – мой священный долг.

– Ваше лицо мне знакомо, сударь, – сказал молодой человек Жаку де Ба. – Напомните мне свое имя...

Жак де Ба поклонился:

– Мой род из Аквитании, он небогат и мало известен в Париже, ваша светлость. – Жак де Ба дал понять, что узнал в молодом человеке Карла Орлеанского – главу дома герцогов Орлеанских, победителя и своего патрона. – Этьен дю Боннель к вашим услугам. – Молодой человек, кажется, еще пытался угадать кого-то в этом человеке, но Жак де Ба вовремя прибавил. – Мы приходимся дальними родственниками герцогу Гюйеньскому...

– Ах, вот оно что... – Карл Орлеанский кивнул: – Герцоги Гиеньские – наши добрые и надежные друзья. – На его лице все еще было сомнение. – Следуйте своим путем, и да примет Господь душу вашей матушки с миром.

– Благодарю вас, достойнейший принц, – поклонился Жак де Ба.

Две процессии разминулись. Жак де Ба, не удержавшись, обернулся назад – обернулся и Карл Орлеанский. Их взгляды пересеклись... Они встретились на том самом месте, где рукой Жака де Ба шесть лет назад был убит Людовик Орлеанский – отец принца Карла.

– Если бы их было в два раза меньше, клянусь адом, я бы уложил сына, как это проделал с его отцом! – выдавил из себя Жак де Ба. – Клянусь...

– Не стоит клясться адом, Жак, – пролепетал Кошон. Он все еще не мог прийти в себя после этой встречи.

– Вы правы, мэтр Кошон, клянусь адом и раем! Нас пять человек – каждый вооружен двумя арбалетами. Мы бы оставили их всех на этой улице. Я бы привез хозяину голову этого молодчика, как когда-то – медальон его отца! Одно другого стоит! – Он был напряжен, точно натянутая арбалетная пружина. – Рискнем?!

Его солдаты переглянулись.

– Прошу вас именем Господа! – взмолился Пьер Кошон. – Оставьте его в покое! Не затем мы здесь, чтобы драться с арманьяками любой ценой! Прошу вас, Жак!

– Пожалуй, – кивнул тот, провожая взглядом отряд Карла Орлеанского. – Будет еще время! – Он махнул рукой по направлению городских ворот. – Едем!

Через четверть часа отряд под предводительством Жака де Ба, охранявший богослова Пьера Кошона, выехал из Парижа и взял курс на юго-восток, в сторону Бургундии.

Интерлюдия

Иоланду Арагонскую называли «королевой четырех королевств». История Франции отвела ей великую роль, о чем пока, в 1413 году, никто не знал, включая саму тридцатитрех-летнюю красавицу, полуиспанку, полуфранцуженку. Отцом ее был король Арагона – Иоанн Первый, матерью – Иоланда Барская, внучка короля Франции Иоанна Доброго, скончавшегося в английском плену.

Брак Иоланды был удачным – она вышла замуж за могущественного Людовика Анжуйского, получив через него титул «королевы четырех королевств» – Неаполя, Сицилии и Иерусалима, к которому она присоединила свой наследственный титул владычицы Арагона. Правда, ее мужу приходилось то и дело доказывать свои права на земли Неаполя и Сицилии, отчего он подолгу застревал в итальянских походах. А вот об Иерусалиме даже не приходилось мечтать – уже прошло более двух веков, как злые мавры выдворили крестоносцев с земли обетованной. Но разве можно добровольно отказаться от такого яркого титула, как «король Иерусалимский»?

Недюжинный государственный ум проявился у королевы очень рано. Пока кипучая натура мужа заставляла его надолго покидать молодую жену, гоня войска по непокорной Италии, одерживая победы, но чаще – терпя поражения, ей приходилось быть администратором на обширных землях дома Анжу. Но эти обязанности вовсе не стесняли молодую королеву – напротив, придавали ее жизни яркую окраску. А еще – она рожала своему мужу детей. Всего их было пятеро: три принца – Луи, Рене¹⁰ и Карл; и две принцессы – Иоланда и Мария.

Судьба трех сыновей виделась матери куда яснее, чем судьба дочерей. Принцы получают каждый свой надел и будут править в нем, воюя и мирясь с соседями, как тому и положено быть. А вот с дочерьми все обстояло иначе – по французским законам девочки не имели прав наследования.

Но их можно было удачно выдать замуж...

8 декабря 1413 года Иоланда Арагонская пожаловала в Париж, во дворец Барбетт, к Изабелле Баварской. Незадолго до этого гонцы уже подготовили эту встречу – и обе королевы с большим интересом ждали ее.

Приехала она не одна – помимо солидной свиты ее сопровождала семилетняя девочка, само очарование. Маленькая темноволосая принцесса в богатом платье.

– Познакомьтесь, ваше величество, – сказала Иоланда, – это и есть Мария. Поздоровайтесь с королевой, – подтолкнув девочку вперед, сказала мать.

Девочка огляделась, цепляя осторожным взглядом незнакомые лица придворных, затем обернулась на мать и свиту, осмелела и сделала грациозный и трогательный реверанс:

---

¹⁰ Рене – будущий Рене Анжуйский, друг и соратник Жанны д'Арк. У них был общий прадед – король Франции Иоанн Добрый. Роль Рене Анжуйского в истории французской героини всегда вымарывалась летописцами. В зрелом возрасте Рене был прозван современниками «Добрый герцогом». Он – известный писатель позднего Средневековья, один из родоначальников европейского Возрождения. Крупнейший феодал и образованнейший человек своего времени, Рене грезил удивительной страной Аркадией. Его влияние на европейскую культуру до сих пор еще не оценено сполна.

– Доброго вам здоровья, ваше величество! Да хранит вас Господь!

– Она – куколка! – просияла Изабелла и поманила девочку к себе.

Та вновь оглянулась на мать, но Иоланда махнула рукой:

– Ступай, если королева просит...

Девочка подошла совсем близко, и Изабелла Баварская потрепала ее рукой по голове:

– Прелесть, какая прелесть! – Она оглянулась на придворных. – А где Карл?

Кавалер Луи де Буа-Бурдон, почетный шталмейстер королевства, великий магистр дворца королевы и нынешний официальный ее любовник, гневно оглянулся на слуг. Но двери уже открывались, и в обществе нескольких воспитателей в залу вошел десятилетний мальчик – худенький, некрасивый, напуганный, хмурый. Он подозрительно уставился на гостей, на девочку в красивом платье...

У Карла с родной матерью сложились странные отношения. Изабелла была чересчур занята личной жизнью и, конечно, придворными интригами – ей как-то нужно было балансировать между двумя политическими силами: арманьяками и бургиньонами. На всех детей ей просто не хватало времени. Тем более – на Карла. Ведь ему никогда не суждено было стать королем Франции, так рассуждала Изабелла, и в этом были убеждены все остальные. Перед ним был старший брат – дофин Луи, и средний – Жан. Карлу могла улыбнуться только провинция. Если уж кого и стоило окружать заботой Изабелле Баварской, так это пятнадцатилетнего Луи, ведь ее номинальный муж Карл Безумный был плох, и старший сын в любой момент мог оказаться новым королем. А в таком случае, чтобы быть уверенной в завтрашнем дне, она должна была иметь на ребенка незыблемое влияние. Десятилетний Карл чувствовал холодность матери и потому сторонился ее. А ей все больше казалось, что он – закрытый, враждебный, чужой. Поэтому она обрадовалась, когда могущественная аристократка Иоланда Арагонская, «королева четырех королевств», предложила обручить ее сына со своей младшей дочерью Марией. Королеву Иоланду это устраивало не меньше: она знала, что за Карлом из дома Валуа ее дочь обязательно рано или поздно получит вполне сносное герцогство или графство.

– Подойди к нам, Карл, – сказала Изабелла.

Принц подошел к матери.

– Ах, малыш, – улыбнулась она. – Посмотри, это Мария. Хороша, правда?

Мальчик исподлобья смотрел на девочку. Изабелла Баварская опередила его, весело всплеснув руками:

– Ну чем не пара! – Она мягко подтащила к себе обоих детей, мало понимавших, что происходит, каждого поочередно чмокнула в темечко.

– Но как они будут расти порознь? – неожиданно спросила Изабелла Баварская. – Или вы хотите оставить юную принцессу Марию в Париже?

Нет, чего не хотела Иоланда Арагонская, так именно этого! Быть в эти годы в Париже, охваченном точно проказой – гражданской войной, то же, что быть в аду. Тем более – ребенку. Тем паче – ее маленькой дочери. Только не Париж!

– Я бы предпочла, чтобы наши дети пожили у меня в Анжере, ваше величество, – ответила Иоланда Арагонская. – На Луаре сейчас спокойнее, чем на Сене.

Другого ответа Изабелла Баварская и не ожидала. Да и не стала бы она носиться в Париже помимо Карла еще и с его нареченной кнопкой.

– Вы правы, королева, Париж сейчас опасен, – печально кивнула она. – А равнины Анжера – райское место для воспитания малышей. Ничего не буду иметь против.

Обе государыни были полностью удовлетворены встречей. Одна с радостью отправляла не самого любимого из сыновей от двора, зная, что ее будущая родственница баснословно богата и сильна и сможет дать ему надлежащее воспитание; другая с радостью увозила сына короля в свою провинцию, подальше от развратной матери и кровожадных

придворных. Увозила туда, где она была полновластной хозяйкой и смогла бы вырастить будущего зятя полноценным мужем любимой дочери.

Иоланда Арагонская похлопала в ладоши, и слуги ее внесли в залу заранее приготовленные семь золотых кубков.

– Пусть это будет залогом наших добрых отношений, – сказала одна королева – другой. – На этих кубках – герб Арагона. Когда будет желание утолить жажду, ваше величество, вспомните о нас.

– Как лестно, – улынулась Изабелла Баварская.

Она любила подарки. Тем более что часть французской казны уплывало на ее родину – в Баварию. Нелюбимая французами, Изабелла была патриоткой своей родной земли.

Через десять дней, 18 декабря, состоялось торжественное событие. На нем присутствовали обе королевы, дофин Луи, герцоги Людовик Анжуйский и Карл Орлеанский, Бернар Арманьяк и граф де Вертю. В этот памятный день были торжественно обручены десятилетний принц Карл и семилетняя принцесса Мария – будущие король и королева Франции, правлению которых будет суждено изменить ход исторических событий своего государства.

Часть вторая. Азенкур

Король Генрих V. Могу я с чистой совестью, по праву потребовать, что мне принадлежит?

Архиепископ Кентерберийский. Пусть будет грех на мне, мой государь! Написано в священной Книге Чисел, что если сын умрет, то переходит наследство к дочери. Властитель мой, восстаньте, взвейте наш кровавый стяг! На мощных предков обратите взор; и на могиле прадеда-героя, вам давшего на Францию права, его бесстрашный дух вы призовите; и деда, Принца Черного Эдуарда, который, разгромив войска французов, трагедию на славу разыграл!

Вильям Шекспир. Жизнь и смерть Генриха V

Что касается знати (английской знати времен Генриха Пятого. – Прим. авт.), война против Франции была их образом жизни, которого она на протяжении поколения была лишена. Их образование, таланты, весь их кодекс поведения были ориентированы на войну. И в самом деле, быть аристократом означало быть воином, и это являлось оправданием их могущества. Война означала славу, стимул к деятельности и приключение; но прежде всего война означала добычу. И к тому же эта война была справедливой: как Церковь, так и Парламент ее поддерживали.

Питер Эйрл. Жизнь и эпоха Генриха V

1

Несколько дней шел проливной дождь, и теперь поле, с обеих сторон стиснутое плотными лесами, раскисло, превратилось едва ли не в топь. Земля взбухла, копыта могучих коней, одетых в броню, укрытых намокшими попонами, глубоко уходили в нее. По панцирям воинов текла вода. Спрятаться было некуда – палатки остались далеко за спиной. Все были мокры до нитки: принцы крови и простые воины. Роскошные павлиньи перья на шлемах знати выглядели жалко. Знамена поникли, плащи стали обузой.

25 октября 1415 года на поле, в пол-лье друг от друга, уже три часа кряду стояли два войска. Французы против англичан.

Весь цвет арманьякской знати собрался под Азенкуром.

Далекие башни самого замка сейчас едва читались за назойливым осенним дождем.

Французов было больше. Пятнадцать тысяч против девяти. Генрих Пятый, английский король, потерял часть своих людей под осажденным Гарфлером. Несколько суток оба войска шли вдоль Соммы к верховью реки: англичане по левому берегу, французы – по правому. Переправившись неожиданно для противника, англичане пошли на север, в сторону Кале, чтобы соединиться с главной военной базой острова на континенте, но французы преградили им дорогу под Азенкуром.

И теперь два войска ждали битвы. Коннетабль Карл д, Альбре, главнокомандующий французов, рассчитывал сражаться в обороне. Он знал, что атаку англичан замедлит огонь арбалетчиков, затем противник увязнет в первой линии из спешенных рыцарей, отчаянных рубак, потом их встретит линия копейщиков и легковооруженных воинов, и наконец, как две сокрушительные волны, обойдет англичан, сломает их ряды и замкнет за нападавшими круг тяжелая конница, равной которой нет в Европе.

Легковооруженным воинам будет с руки добивать разрозненные ряды англичан.

...Еще три часа назад, расположив армию в поле, растянув линию войска между тесными лесами, именно так думал коннетабль Франции, надеясь на стремительную победу в обороне. Его войско не так устало от переходов, как войско англичан. Главное, скорее было вступить в бой. Не ждать. Не томить две громады рыцарской конницы по флангам и три линии спешенных рыцарей и простых воинов между ними.

Но вот прошло три часа, а враг, отгородившись частоколом, ощерившись заточенными бревнами, в три четверти человеческого роста, не двигался. Он точно врос в землю по другую сторону длинного и узкого, не более мили в ширину, поля.

– Чертовы англичане! – через поднятое забрало, держа руку в железной перчатке на рукояти меча, скрипел зубами один из рыцарей коннетабля. – Они успели построить целый форт перед собой!

– Строить палисады – любимое занятие крестьян, – вторил ему второй рыцарь из свиты Карла д, Альбре. – Они, верно, понесут его впереди себя, когда пойдут в бой!

Коннетабль усмехнулся остроте, но улыбка, едва появившись на его губах, быстро исчезла. В этой войне англичане нападали, французы – отбивались. Но сегодня враг не торопился атаковать ряды Карла д, Альбре. Складывалось ощущение, что он никуда не спешит. Что из нападающих англичане превратились в осажденных. Что могут вот так, под проливным дождем, сутками торчать на этом поле, будь оно проклято! И теперь ничто не заставит их пойти вперед.

А войско коннетабля бушевало. Не находило себе места. Карл д, Альбре это видел, и картина нарастающего недовольства беспокоила его куда больше, чем безмолвное стояние на одном месте англичан. Будучи аристократом, коннетабль не любил наемных солдат. Но у последних, дравшихся за деньги, было одно преимущество – они четко выполняли все приказы своего полководца. И совсем другое дело – конница высокородных феодалов, каждый из которых считал себя пупом земли.

А нынче под Азенкуром собрались первые рыцари королевства, окружив себя многочисленными вассалами. Принцы крови, герцоги, именитые бароны! Карл Орлеанский был первым среди первых на этом поле. Битвы ожидали герцоги Алансонский, Барский, Туренский, Бурбон, – каждый с целым войском: с братьями, сыновьями и дядьями, с первыми своими рыцарями, оруженосцами, пажами, многочисленными рядами сержантов, которые вошли в общий строй войска. Каждому хотелось наконец-таки отличиться! Герцог Бургундский не привел свои войска в стан французов, но двум родным братьям – герцогам Брабантскому и Неверскому – запретить выступить на стороне Карла Шестого не посмел. Герцог Бретонский, занятый делами в своей вотчине, послал под знамена с золотыми лилиями младшего брата – Артюра де Ришмона.

Но эти высокородные рыцари, правившие на огромных землях и являвшиеся родственниками короля Франции, были не только отчаянно храбры, но бесконечно горды кровью, которая текла в их жилах. Их самолюбие и тщеславие были высшего накала. Они искали победы любой ценой, и путь к этой победе каждый из них часто видел по-своему. Еще больше рвались в бой их рыцари – каждый из них хотел как можно скорее отличиться, взять знатного пленника, чтобы потом получить за него богатый выкуп. А знатных англичан на той стороне поля было предостаточно. Самой важной птицей был сам король Генрих Пятый – накануне французские рыцари бросали кости за право первым пленить английского короля!

Беда была в том, что в стане французов отсутствовал король. Он был единственным человеком, способным сдержать цвет рыцарства, но сейчас Карл Шестой был недееспособен. А для коннетабля, всего лишь ставленника короля, это являлось куда более трудной задачей.

Усмирять воинский пыл непредсказуемых баронов Карл д, Альбре поручил двум опытным и дисциплинированным полководцам.

Правым флангом рыцарской конницы, грозы всех врагов королевства, командовал прославленный воин – сорокадевятiletний граф де Бофор, Жан, маршал де Буссико. Рыцарь, не признававший «новой войны», где комбинационные хитрости ставятся вперед чести и доблести старинного поединка, будь то поединок между двумя рыцарями или целыми армиями. «Биться, так лицом к лицу», – часто говаривал он, когда ему предлагали изменить привычным военным убеждениям. В 1396 году, отправившись в крестовый поход с Жаном Бургундским, он был вместе с герцогом взят в плен, но выкуплен и уже двумя годами позже оборонял от турков Константинополь. Кого терпеть не мог маршал де Буссико, так это «крестьянскую армию» англичан, которая вызывала у него глубочайшее презрение.

Левым рыцарским конным флангом командовал другой славный рыцарь – сорокасемилетний кавалер Луи де Буа-Бурдон, почетный шталмейстер королевства и великий магистр двора королевы.

Коннетабль, сам возглавивший первую линию пешего войска, надеялся, что возраст и авторитет двух рыцарей помогут справиться с буйными и недисциплинированными баронами. Тем не менее среди войска на флангах, тяжеловооруженных рыцарей, уже давно закручивались круговороты. Разбивали копытами грязь мощные кони. Повсюду стояла ругань и проклятия. Если бы эта брань могла навредить англичанам, те бы уже давно попадали замертво в размокшую от дождя землю. Ни одного бы не осталось. Время от времени тесные ряды конных рыцарей взрывались, ходили клиньями друг через друга; резали косой дождь штандарты.

Только что к ставке Карла д, Альбре подъехал Луи де Буа-Бурдон и два человека его свиты.

– Не пройдет и часа, монсеньер, – сказал командир левого фланга коннетаблю, – эти сорвиголовы сами бросятся в атаку! Что мне делать?

– Сдерживать их порыв, де Буа-Бурдон.

– Легко сказать! Как справиться с Карлом Орлеанским, когда принц считает, что после короля – он здесь первый рыцарь? Того же мнения относительно себя придерживаются герцоги Брабантский и Неверский. Они смотрят на меня так, как смотрят молодые волки на старого медведя! Они требуют, чтобы я убедил вас как можно скорее атаковать англичан...

– Ссылайтесь на меня, черт возьми! Скажите им, что это мне решать, что, где и когда. Не мне же учить вас, де Буа-Бурдон, что атакующий окажется в незавидном положении!

– Согласен, монсеньер. Не хуже вас я понимаю, что сейчас все решает выдержка! Были бы эти господа простыми дворянами, я бы приказал их арестовать и до конца битвы держать в лагере, в палатках, скрутив по рукам и ногам! Но у каждого из них – сотни рыцарей, преданных вассалов, которые слепо им повинуются! Прикажи я своим людям взять у них мечи, они, глазом не моргнув, изрубят меня на куски!

– Повторяю, кавалер, ссылайтесь на меня. Пусть говорят со мной!

Закованный в броню де Буа-Бурдон тяжело вздохнул:

– Вы возложили на меня слишком большую ответственность, монсеньер. Думаю, я ее не достоин...

– А я думаю, достойны, кавалер! – рявкнул на него коннетабль. – Другому эту миссию я бы не поручил! Вам ясно?

– Да, монсеньер.

– Вот и хорошо, а теперь отправляйтесь к своим людям и передайте им мои слова. Если хотят, пусть говорят со мной.

Луи де Буа-Бурдон поклонился и, прищпорив коня, с людьми своей свиты поскакал на вверенный ему левый фланг. Карл д, Альбре знал, еще минут пять, и к нему пожа-

луют высокопоставленные гости. Он не ошибся. Стоило де Буа-Бурдону вернуться на левый фланг, как несколько рыцарей оторвались от рядов, где поднималось знамя герцогов Орлеанских – с белыми квадратами поверх тех же трех золотых лилий на лазоревом поле.

Впереди, с поднятым забралом, скакал молодой Карл Орлеанский.

– Сколько мы еще будем стоять, монсеньер? – сдерживая своего коня перед главнокомандующим, крикнул воин.

Лицо коннетабля было непроницаемо:

– Пока англичане сами не пойдут на нас.

На них смотрели. Пешие воины тянули головы. С наибольшим интересом наблюдали бароны – они знали, о чем говорят два полководца.

– Монсеньер, французы рвутся в бой! – яростно выкрикнул Карл Орлеанский, под которым бушевал его конь. – Я едва сдерживаю своих рыцарей!

– Это ваша обязанность – сдерживать своих людей, когда в этом есть необходимость, – отрезал коннетабль. – А заодно и самого себя, герцог.

Вассалы Карла Орлеанского ждали. Молча следили за сценой и всадники, окружавшие коннетабля. Было непочтительно – так говорить с принцем крови.

– Монсеньер! – сурово выкрикнул Карл Орлеанский, требуя внимания. – Мы стоим уже битых три часа! – По доспехам молодого рыцаря текли струи дождя, глаза горели. Было видно, что он и сам, не меньше своей части армии, спешит атаковать противника. – Мои рыцари хотят знать одно – когда?

– Вы же не хотите в одночасье переиграть наш план? – тем же ровным тоном, сохраняя который стоило ему немалых сил, проговорил коннетабль. – Это неразумно, это губительно...

– Иногда губительно ожидание, монсеньер! А молниеносность – залог победы! Мы уверены: святой Михаил поможет нам!

– Я тоже надеюсь на святого Михаила, герцог! – в глазах Карла д, Альбре промелькнула молния. – Но я также знаю, что он надеется на наше благоразумие.

Еще три всадника, закованные в доспехи, подлетели к ставке коннетабля, но уже с правого фланга. На этот раз граф Артюр де Ришмон, второй сын герцога Бретани, ровесник Карла Орлеанского. Молодая кровь не давала им покоя. Тем более что это была кровь Капетингов и герцогов Бретонских.

– Монсеньер, наши люди полны огня! – с искренним пылом выкрикнул Артюр. – Клянусь Богом, мы опрокинем англичан!

Карл Орлеанский был рад поддержке. На его лице светилось неприкрытое ликование. Едва заметным кивком головы он приветствовал де Ришмона.

– Я говорю о том же, граф. Мои люди...

– Монсеньер, рыцари желают одного – пролить кровь своего врага, – не дав договорить герцогу Орлеанскому, но кивнув ему, давая понять, что понимает его с полуслова, продолжал де Ришмон. – Англичане не выдержат натиска!

– Мы просим вас от всего войска! – вторил ему Карл Орлеанский. – Мы настаиваем...

– Мы не будем атаковать англичан! – почти зарычал коннетабль. Даже конь затрепетал под ним. Карл д, Альбре старался сдерживаться. – Посмотрите на это поле, господа... Мы все увязнем в этой жиже, черт бы вас подрал с вашим огнем и вашим пылом! Доверьтесь мне, герцог! И вы, граф... Прошу вас.

Карл Орлеанский и Артюр де Ришмон почти одновременно повернули коней и в сопровождении вассалов поскакали к своим полкам. Гнев и непонимание переполняли их.

– Дай мне терпения, Господи, – едва слышно проговорил коннетабль Карл д, Альбре. – Верну! – окликнул он одного из своих рыцарей.

– Да, монсеньер?

– Пошлите вперед несколько человек. Ни черта не видно за этим дождем! Я хочу знать, нет ли движения в рядах англичан. Немедленно!

Король Генрих Пятый, в окружении свиты, под развернутым над ним балдахинном, защищавшим его от дождя, сидел в седле боевого коня на том конце поля и смотрел в сторону французов. Он не мог видеть брожения в рядах превосходящего его по численности противника, но чувствовал это движение. Нюхом. Сердцем. И оно радовало его! Да, у него было меньше людей. Под этим чертовым Гарфлером его ряды поредели, но виной тому были не столько французские мечи, как дизентерия!

Генриху Ланкастеру было двадцать восемь лет. Его отец, Генрих Четвертый, два года назад умер от проказы. И вот уже два года Англией управлял новый король. Но этого времени хватило баронам, чтобы понять, какого государя они получили. Умного, расчетливого, властного. Такого, какой им и был нужен. Не уступающего никому и ни в чем. Идущего к своей цели, невзирая ни на какие преграды. Могущего быть справедливым, но жестоким и беспощадным одновременно.

Но бароны и не догадывались, что сами сделали его таковым. Сделали их аппетиты. Их давняя мечта – обогатиться за счет континента.

После умерщвления последнего из королей Плантагенетов, Ричарда Второго, в 1399 году, при поддержке все тех же баронов, на престол, в возрасте тридцати двух лет, полный сил, вошел его отец – Генрих Четвертый. Первый из Ланкастеров в истории Англии. Но болезнь, которой боялись все, стала точить его силы. Отец превратился в затворника. Два похода на континент не подняли в достаточной мере его престиж. Он воевал со своими баронами, когда-то поднявшими его на щит, с мятежными валлийцами. А потом стал угасать. Это была долгая, мучительная и страшная смерть. Заболевшего проказой горожанина выселяют в «город мертвых» и забывают о нем. Забывают даже родные. Но как забыть о короле, которому нужно ежедневно заботиться о своем государстве? Председательствовать в советах? Собрать и направлять армии? Участвовать в походах? Побеждать, наконец?

Кому нужен король-прокаженный, с изуродованным лицом и руками, которого бояться коснуться даже слуги? Который днем и ночью прячется в своих покоях от подданных?

Будущий король Генрих Пятый больше всего на свете боялся заразиться от отца страшной болезнью, этим проклятием. И еще, наблюдая за баронами, симпатии которых к верховному властителю были так же непостоянны, как чувства ветреной женщины к многочисленным возлюбленным, он понял главное: чтобы снискать уважение и любовь своих подданных-аристократов, нужно три качества: во-первых, быть хитрым политиком, во-вторых, сильным и жестоким правителем, и в-третьих, удачливым полководцем.

Такого будут уважать, любить, и за таким королем беспокойные бароны, в сущности – алчные вояки, пойдут хоть на край света.

Главное – уметь побеждать.

В начале августа он высадился со своим войском в Нормандии, недалеко от устья Сены, где стояла суровая крепость Гарфлер. Внезапному нападению на континент предшествовало письмо французскому королевскому двору. Генрих Пятый Ланкастер просил руки Екатерины Валуа – дочери Карла Шестого Безумного и Изабеллы Баварской. Генриху ответили, что принцесса слишком молода для брака – ей только что исполнилось четырнадцать лет. Но истинной причиной была не юность Екатерины! За невинным предложением руки и сердца, а на континенте знал об этом каждый, стояли старинные притязания Англии на корону Франции.

Генрих Пятый счел отказ за оскорбление и переплыл с войском Ла-Манш.

Мощный Гарфлер стал бы неприступным, имей он тысячу бойцов и вдоволь провианта. Но в крепости, несмотря на ее мощь, оказался маленький гарнизон. Сто человек! А припасов и совсем малость. Весть об английском вторжении успела разнестись быстро, гар-

низон французы пополнить успели до четырехсот воинов, которыми командовал Рауль де Гокур, а вот отставший от отряда обоз с продовольствием Генрих успел перехватить. Гарфлер страдал от голода, английские войска – от внезапно разразившейся эпидемии дизентерии. Ланкастеру даже пришлось приказать истребить без жалости всех проституток, которые подходили к его лагерю ближе чем на три мили. Это отродье, столь желанное для солдат всех рангов и сословий, всегда жадно тянется к военным лагерям. Пусть так, но оно стремительно разносит любую заразу по всему войску. Им резали глотки, вешали и топили, как котят. Когда продовольствие у осажденных закончилось, французы предприняли две отчаянные вылазки, стремясь уничтожить артиллерию англичан, но их атаки были отбиты. Молодой граф Хандингтон в последний раз так азартно преследовал французов, отступавших к стенам крепости, что едва не ворвался за ними в Гарфлер и не попал с отрядом своих рыцарей в плен.

Бомбарды, кулеврины и требюше¹¹ продолжали методично обстреливать крепостные стены и городские постройки за ними.

Генрих назначил день штурма, но сутками раньше из крепости выехали посланцы с белым флагом. Они сделали английскому королю необычное предложение: если через три дня французы не придут осажденному городу на помощь, значит, такова судьба и Гарфлер сдастся на милость Генриха.

Перемирие в трое суток было по-рыцарски идеальным – обе стороны положились исключительно на судьбу.

По истечении означенного времени король Англии Генрих Пятый выехал со своей свитой и рыцарями в сторону ворот осажденного Гарфлера. Он уже был в четверти мили от крепости, когда опустился мост и ворота открылись. Въехав в Гарфлер в полном молчании, он увидел изможденных изнурительной осадой солдат и офицеров, и старейшин города с ключами в руках. Все старейшины были связаны одной веревкой – через петли на шеях. Таково было условие короля Англии.

– Встаньте на колени, – приказал он городским властям.

Старейшины безропотно повиновались. Генриху оставалось только улыбнуться. Когда его люди подышали от дизентерии, он поклялся себе перевешать всех защитников крепости, из-за упрямства которых страдает его войско. Но поклялся самому себе. Никто, кроме Господа Бога и дьявола, его не слышал. Теперь он видел, что противник раздавлен. Унижать его дальше, тем более – уничтожать, значило бы оскорбить свое собственное достоинство. Прослыть извергом. Сохранить жизнь осажденным и сдавшимся в одном городе значит – с легкостью открыть ворота других городов, сохранить своих солдат.

– Сэр Хандингтон, возьмите ключи и передайте их своему королю, – сказал он. – Вам необязательно покидать боевого коня, – добавил Генрих, видя, что юный рыцарь намеревается спешиться.

Недавний герой с улыбкой победителя подъехал к главе города и, чуть наклонившись, взял из его руки ключи от крепости. Все это происходило в полном молчании.

– Повелеваю, – сказал Генрих. – За всех рыцарей, защищавших крепость, в ближайшие три дня будет назначен выкуп. Под честное слово я отпущу каждого и назначу время возвращения. Если к означенному сроку рыцарь не вернется, пусть знает, что честь его потеряна. И если он еще раз попадет ко мне в плен, то будет повешен на первом суку как простой разбойник. Что касается горожан, то они должны сейчас же, без промедления, признать себя подданными короля Англии. Готовыми всегда и во всем верно служить ему. В против-

---

¹¹ Бомбарды и кулеврины – огнестрельное оружие позднего Средневековья. Бомбарды, часто гигантские, использовались для разрушения крепостных стен, кулеврины – по большей части для стрельбы навесом. Требуше – метательное оружие, катапульта.

ном случае они могут убираться из города восвояси. – Король усмехнулся. – Но без штанов. Для их имущества и домов найдется новый хозяин!

Это было 23 сентября. А на следующий день Генрих Пятый послал в Париж гонцов с письмом к дофину Луи. Английский король был оскорблен тем, что его предложением руки и сердца Екатерине Валуа пренебрегли, и потому вызывал семнадцатилетнего юношу на рыцарский поединок. Не больного же Карла Шестого ему было вызывать! Увлеченный музыкой и не любивший воинские забавы, Луи Валуа на письмо мрачного соседа Ланкастера не ответил.

Еще через трое суток, оставив в Гарфлере гарнизон и провиант, Генрих Пятый двинулся на северо-восток, к Сомме. Тогда он еще точно не знал, где ему придется столкнуться с войском французов.

И вот теперь, под Азенкуром, на этом чертовом поле, в хляби, под дождем, Генрих не знал, жалеть ему или нет, что он осадил Гарфлер. И не выполнил своего первоначального плана, а именно: пройти маршем мимо Парижа, охваченного гражданской войной, и, занимая по дороге города, дойти до Бордо, английской территории, с принадлежавшими ему крепостями, и уже оттуда угрожать французам и расширять свои владения на континенте.

Жалел, потому что не знал, каков может быть исход битвы. И нужно ли было искать этого сражения. Французы вылезли из кожи, чтобы в короткие сроки собрать войско. Но у них это получилось.

Три тысячи из двенадцати он потерял. А три четверти из всех его людей, прибывших в Нормандию, были лучники. Болезни не разбирают, за кого им братья. Они одинаково косят как рыцарей, так и простых вилланов. От проклятой болезни умер один из его полководцев – Майкл де ла Поль, граф Суффолкский. Рыцарская конница короля поредела на четверть, и теперь, под Азенкуром, была раз в пять меньше, чем у французов. А с такой разницей столкнуться с последними, настоящей грозой, в чистом поле – значит обречь себя на верную смерть. Англичане могут сражаться как львы, они постараются забрать с собой как можно больше французов, но все равно это будет самоубийство.

Но Генрих из рода Ланкастеров даже не думал первым бросаться в бой. Он поступил бы так лишь в том случае, если бы сам Господь раздвинул полные дождя небеса над Азенкуром и приказал бы ему громовым голосом двинуться на противника. Оттого вилланы Генриха, самые меткие стрелки в Европе, с руками могучими, как ноги тягловых лошадей, и везли с собой в повозках не только двухметровые луки и связки длинных стрел, но и колья, выточенные из бревен. Сложив луки, мечи и топоры, они с быстротой, которой могли позавидовать самые расторопные строители любых фортификаций, вбивали тяжелыми молотами эти колья в землю перед своим, выбравшим боевую позицию войском. Вбивали, чередуя длинные бревна с короткими, и на последние укладывали длинные острые колья, заточенные так, как затачивает смертоносный кол палач, намереваясь насадить на него свою жертву. Концы этих кольев были направлены на противника – на уровне конской груди, а тупые концы вгонялись в землю и сверху прижимались бревнами. Такой палисад напоминал гигантского ежа, не иначе. И все это лучники делали с быстротой воистину неподражаемой! Тяжеловооруженный рыцарь на боевом коне не сможет перемахнуть через такую преграду, он встанет перед ней. А не успеет остановиться – верная смерть. Да и простой воин должен забыть хотя бы на несколько секунд о своем мече, чтобы перелезть через невысокую стену. А этого времени всегда достаточно, чтобы раскрыть ему голову топором или хотя бы отсечь руку! С таким палисадом легко расправиться бомбарде, расправиться как с пушинкой, но для сражения в поле артиллерию не берут. Их свозят к осажденным крепостям. Палисад можно развалить тяжелым бревном, с которым, разбежавшись, бросятся на него с десятков здоровых молодцов. Но ни один не добежит до стены – на каждого найдется по доброй английской стреле. А то и по дюжине – на отчаянного брата.

Поэтому Генрих Ланкастер и построил свои войска так, точно собирался отбиваться от противника в осажденной крепости. Оставшиеся девять тысяч бойцов здесь, под Азенкуром, были поделены Генрихом и его полководцами на три части. Центральной командовал сам король, правой – герцог Йорк, левой – лорд Камой. Впереди каждой части войска, отгородившись соединенными друг с другом палисадами, стояли лучники. Простые вилланы, в случае близкого боя готовые отбросить свое грозное оружие и взяться за другое – мечи и топоры. С их рядами смешались копейщики и спешенные рыцари. Палисад, обращенный к французам не ровной полосой, а треугольниками, по всей изломанной линии разрывали маленькие проходы – для стремительной ответной атаки.

Генрих Пятый размышлял – пел ему свою грозную песню гений войны, шептал на ухо советы. Да, его войско устало от многодневного непрерывного перехода; да, потрепанное болезнью, оно уступало противнику числом. И тем не менее, простояв три часа напротив французов, под дождем, он приказал немедленно позвать к нему герцога Йорка и лорда Камоя, командующих правым и левым флангом его армии. Через пять минут, промчавшись вдоль рядов, два первых аристократа Англии, почти одновременно, на боевых конях и в полном вооружении, предстали перед своим королем.

– Отдайте распоряжение снимать частокол, – сказал Генрих.

Герцоги переглянулись. Что случилось? Неужели молодой король, всегда – образец выдержки, способен в этот решающий день наломать дров? Стоять три часа заклятым врагам друг против друга – лицом к лицу – тут не у каждого выдержат нервы!

– Атаковать французов? – не веря своим ушам, спросил Йорк. – Они только и ждут этого, государь!

Король хмуро улыбнулся, но не ответил.

– Ваше величество... – вступил в разговор Камой.

Но король не дал ему договорить.

– Мы пройдем вперед четверть мили, – сказал он.

– Четверть мили, но зачем? – спросил Йорк.

– Это опасно, – серьезно проговорил Камой.

– Еще как опасно! – с улыбкой воскликнул молодой король.

Вокруг них шумел дождь. Рыцари и солдаты, смотревшие на полководцев и короля, притихли. Только легкий гул. Все знали: скоро все решится. Бой будет сложным. На этом поле останутся многие. На чужой земле. Серая полоса французского войска, смазанная из-за дождя, для каждого была линией великой победы. Но скорее – смерти, если только король англичан совершит оплошность...

Глаза Генриха блестели. Казалось, рассудок покидает его. Если в такие минуты в кого вселится дьявол, пиши пропало. Гибель и позор ждет войско.

– Еще как опасно... – повторил молодой король.

– Они могут пойти на нас! – воскликнул герцог Йорк. – Они воспользуются моментом!

– Ваше величество, это может погубить нас, – спокойно согласился с ним лорд Камой. – Сняв палисад, мы окажемся незащищенными. Их конница сомнет нас. Это обернется катастрофой...

– Нет, – поправил себя король, – мы пройдем не четверть, а треть мили. Стоит сказать моему брату Томасу, чтобы он раньше времени не бросился в бой. Герцог Кларенс чересчур горяч. – Король улыбнулся обоим полководцам. – Не так ли, господа?

...Карл д, Альбре не мог поверить своим глазам – он задохнулся от душившего его восторга, когда увидел там, за дождем, что серая полоса англичан двинулась в их сторону. Она медленно приближалась, разрастаясь, становясь плотнее. Чуть раньше несколько разведчиков уже сообщили ему, что англичане снимают палисад и медленно, частями, движутся в их сторону. Теперь он видел это собственными глазами. Значит, не зря он осадил уже

с десятков важных вельмож, которые рвались в бой. Не зря ждал этого движения. Англичане не выдержали первыми. Сдались. И обороняться будут они, французы, так, как он и задумал вначале. Теперь гонцы объезжали войско с приказом главнокомандующего: арбалетчикам выстроиться в боевой порядок, спешенным рыцарям и копейщикам приготовиться принять на себя удар, рыцарской коннице по флангам быть готовой окружить врага и ударить с двух сторон.

Но рыцари и так давно ждали этого. Страсти в их рядах разгорелись высшего порядка. Слава Франции уже трепетала на кончиках их копий, лезвиях мечей и в силе боевых молотов. Они готовы были смять англичан, изрубить на куски, уничтожить...

Продвижение войска вперед остановилось так же неожиданно, как и началось. Ряды французов, уже подготовившись к нападению, были в недоумении: что же, англичане струсили? Решили отказаться от битвы? Но чего они испугались? Отказывался понимать ситуацию и коннетабль Карл д'Альбре. В полумили от них, вдоль всего поля, выстроился ряд копейщиков и рыцарей с длинными щитами. Как непохоже это было на англичан. Такой строй легко могли опрокинуть его рыцари. Дай только команду. Но его войско приготовилось к обороне, менять все на ходу было слишком опасно. Атака могла нарушить все его планы.

– Что они делают? – возмущенно вопили в рядах французов. – Проклятые англичане, почему вы остановились?!

Молодой граф де Ришмон, оказавшийся рядом с коннетаблем, вновь поднял забрало.

– Да что это такое?! – возопил он. – Монсеньер? Как это понимать? Они не решаются напасть на нас?

– Хотелось бы в это верить, – тоже поднимая забрало, всматриваясь в ряды англичан, различая передвижения английской конницы, откликнулся коннетабль. – Кто испугался до начала битвы, тот уже проиграл. Но это непохоже на англичан...

– Прикажите атаковать! – выкрикнул де Ришмон. – Монсеньер!

Злость и ярость можно было прочесть на лицах французов. Они уже готовы были к бою – остановить и смять ряды нападающих.

Коннетабль не сразу понял, что приготовили им англичане. Там, за первыми рядами воинов, вновь вырос палисад – вырос со стремительной скоростью. Когда копейщики и рыцари рассеялись, через дождь можно было легко разглядеть вновь возведенную из кольев стену.

– Проклятье, – тихо проговорил он. – Они обманули нас...

Де Ришмон метнул на него требовательный, если не гневный взгляд.

– Да они смеются над нами, монсеньер!

Новая делегация в количестве семи всадников галопом скакала к главнокомандующему. Даже несмотря на намокший штандарт, коннетабль издалека разглядел герб – двуглавого орла кроваво-алого цвета. На этот раз к нему пожаловал крестоносец граф де Бофор, маршал де Буссико, любимец короля Карла Шестого.

– Монсеньер, куда это годится? – осаждая коня, выкрикнул он. – У моих людей уже нет терпения. Рыцари хотят славы Франции, и немедленно!

– Я тоже хочу славы Франции, граф!

– Не сомневаюсь! Но покажите это нам на деле. Англичане на расстоянии вытянутой с мечом руки. Это же и слепому ясно – они не решаются напасть на нас. Это наш час, монсеньер!

Целый конный отряд продвигался в сторону его ставки. Старый герб Франции, герб прямой линии Капетингов, красовался на первой и четвертой частях знамени – белое поле, усыпанное золотыми лилиями. Впереди, опережая эскорт, к коннетаблю ехали рысью два высокородных герцога – Антуан Брабантский и Филипп Неверский.

– Наши люди желают битвы, – сказал Антуан, держа в правой руке шлем. Его голову укрывала только кольчуга. – Англичане пали духом, увидев наших рыцарей. Они трусили. Нельзя упустить момент!

Филипп Неверский, тоже сняв шлем, молчал. Было видно, что он во всем поддерживает брата. Сегодня, на поле под Азенкуром, каждый из этих родовитых дворян только терпел своего главнокомандующего. Это можно было прочесть по глазам знатных вельмож, требующих немедленного боя. Оба герцога предпочли старшему брату Жану Бургундскому – корону Франции и лагерь арманьяков, и требовали уважения в своем выборе.

– Для чего мы преследовали англичан? – продолжал герцог Брабантский. – Зачем оказались на этом поле? Чтобы настояться под дождем, а потом отойти назад? Я не понимаю вас, монсеньер.

– Отдайте приказ нападать, монсеньер, – неожиданно потребовал от него герцог Неверский. – Сейчас самое время. Так хотят все французские рыцари. Нас больше, и мы готовились к битве, а не месить грязь на радость англичанам!

Карл д, Альбре оглянулся на фланги. Рыцарское воинство кипело. Необузданного офицера можно наказывать, даже казнить, но кто способен наказывать Карла Орлеанского или герцога Брабантского, потомков Людовика Святого, окруженных сотнями вассалов – рыцарей своего дома? Тем более наказывать за то, что они хотят прославить французское оружие? В эту минуту Карл д, Альбре понял, что он проиграл. Победили они – многочисленные вельможи, которым было наплевать на голос разума. Непомерное честолюбие, гордыня и жажда битвы – вот были сейчас их путеводные звезды.

Граф Солсбери, Томас де Монтегю, объезжал ряды лучников, только что выстроивших новый палисад в полумили от французского войска. Они работали не покладая рук – в любой момент враг мог сорваться и броситься в атаку. Им помогали свободные копейщики, спешенные рыцари – все, кто был рядом. Им удалось обмануть французов и, вновь отгородившись частоколом, встать стеной. Одному из командиров королевского войска, графу Солсбери, недавно исполнилось двадцать девять лет, но он уже был кавалером Ордена Подвязки¹². Ему составлял компанию боевой товарищ – Томас Ланкастер, герцог Кларенс, родной брат короля, отчаянный бретер. Герцог Кларенс был всего на год младше короля. Их разделял один год возраста и непреодолимая пропасть – по темпераменту и амбициям. Их отец, Генрих Четвертый, думал, что буйный характер Кларенса не даст спокойно управлять страной умеренному во всем Генриху. Что младший брат, обладатель поистине бешеного нрава, которому мог позавидовать и лесной вепрь, станет вечной опасностью для старшего – дремлющим до времени, пускающим клубы дыма вулканом, полным в сердце кипящей лавы. И ошибся. Герцога Кларенса не интересовал трон его сдержанного и рассудительного брата. Его вообще не интересовал какой-либо трон. Коварству политики и неограниченной власти он предпочитал пышные турниры и кровопролитные бои. И на этом поприще равных ему найти было трудно. Правда, на поле боя герцог Кларенс знал только одного полководца – самого себя.

Двух благородных вельмож сопровождали рыцари их свиты. Как и французы, английские аристократы в эти часы были возбуждены, предвкушая битву. Неожиданный приказ о продвижении в сторону противника только накалил страсти.

– Ненавижу дождь, – держа золоченую уздечку, бросил в открытое забрало Кларенс. – Он преследует нас и во Франции. Злой рок, не иначе...

---

¹² Орден Подвязки – один из самых старых и почетных орденов Англии. Был утвержден в 1384 году английским королем Эдуардом III Плантагенетом в день святого Георгия. В начале в Орден Подвязки входил сам король и 25 избранных рыцарей. Отличительный знак членов ордена – голубая подвязка на ноге. По легенде, знатная дама в захваченном англичанами Кале на балу обронила подвязку. Эдуард III поднял ее и повязал себе на ногу, произнеся слова, ставшие позже девизом ордена: «Да будет стыдно тому, кто подумает об этом что-нибудь дурное!»

– Вы к нему не справедливы, – управляя закованным в доспех конем, откликнулся граф Солсбери. – Для одних дождь – злой рок, а для других – благодать.

– Для кого же он благодать, граф, для нас или французов? – усмехнулся герцог Кларенс. – Покажите мне хоть одного солдата, который бы не сыпал сейчас проклятиями, стоя в этой грязи.

– Для кого благодать, это пока неясно, – уклончиво ответил граф. – Но скоро мы поймем это. Дождь станет лучшим другом для тех, кто будет стоять в обороне, и окажется худшим врагом для нападающего.

– Вы думаете, этот марш вперед пойдет нам на пользу?

Граф Солсбери усмехнулся:

– Ваш брат, наш король, надеется на это. Будем надеяться и мы, герцог.

Они направляли коней вдоль заново рождающегося палисада. От лучников, ставивших частокол, шел пар. Стрелки тяжело дышали. Это не шутка – под носом у врага возводить крепостную стену! Сделав главную работу, лучники вновь утыкали стрелами землю вокруг себя.

– Знаете, граф, – тоже поглядывая в сторону французов, сказал через открытое забрало герцог Кларенс, – жаль, что подобные войны не решаются поединком. Я бы не заставил долго ждать французов, прими они решение выставить дюжину своих рыцарей против дюжины наших. Исход битвы – исход всей войны. Если бы дофин ответил на вызов, нам бы не пришлось мокнуть на этом чертовом поле!

– Послушайте их разговор, друг мой, – дав принцу договорить, останавливая коня, перевел разговор Солсбери.

Трое лучников упрямо всматривались вперед, где, на расстоянии сотни шагов, гарцевали перед палисадом три конных француза. Лучники энергично переглядывались друг с другом.

– Если бы этот черт проплясал на своем жеребце ровно столько, пока ты станешь спускать свои штаны, чтобы помочиться, Джон, – горячо выкрикивал своему товарищу здоровяк, чья рыжая борода то и дело выглядывала из-за надвинутого на лицо капюшона, – я успел бы поднять стрелу и опустить ее ровнехонько на него. – Она бы ему до потрохов достала!

– Это ты врешь, Джек, – возразил рябой блондин, чей капюшон лежал на плечах, – до потрохов не достала бы. А, Вилли-Нос?

Тот из лучников, которого называли Вилли-Носом, совсем невысокий и щуплый, отмахнулся. Лучники не видели двух вельмож, остановивших коней за их спиной, потому языки их работали на славу.

– А если у него добрые наплечники, – продолжал рябой блондин, которого звали Джоном, – то отскочила бы твоя стрела, только царапнула. Рыцаря, у которого есть монета на добрый панцирь, стрелой не возьмешь. Простого латника – другое дело. Арбалетчика или копейщика. Ну, может, коня рыцарского, если шея окажется открыта...

– А ты что скажешь, Вилли-Нос? – на этот раз обратился к товарищу рыжебородый Джек.

– Вот пристали, – наконец откликнулся третий. – Что толку тратить стрелы на тяжелых рыцарей, когда они за триста футов от тебя. То же самое, что поливать стрелами крышу амбара. Была бы стрела потяжелее раз этак в пять, тогда другое дело. Ты, Джек, не обижайся, но Джон прав. Конечно, если стрела найдет лазейку, вот тогда да. Но так ведь стрела – не змея. Это еще надо, чтоб повезло. Пробить кольчугу латника, такого же, как и мы, его железные бляхи, это, я согласен, навесом самый раз. А рыцаря, этого кабана, надо бить в упор. Своей силой. От руки, от плеча. Когда до него шагов тридцать будет. Когда он на тебя летит, как штормовой вал. А еще лучше – коня его. А самого рыцаря добить и на земле можно. Так падать, как они падают – всей тушей оземь, да на всем скаку, тут и без стрелы

можно Богу душу отдать! А пока он станет в этой грязи барахтаться, изловчись, ударь его топором, вот и делу конец.

– Этот малый – стратег, – взглянув на Кларенса, усмехнулся граф Солсбери. – Что вы думаете, герцог?

– А еще лучше – оглуши обухом и тащи за палисад, – продолжал распалившийся Вилли-Нос. – А потом к повозкам. С такой добычей домой вернешься, и внукам будет на что жить, и правнукам.

– Он мужлан, граф, – бросил Кларенс. – Жаль, прошли старые времена! Когда-то даже оруженосец из родовитой семьи не имел права взять в руки меч, чтобы сражаться с рыцарем, а держал в руках палку. Если же брал меч, только для того, чтобы на поле битвы отдать его хозяину. А теперь каждый мужик решает, как лучше подкараулить благородного рыцаря, чтобы перерезать ему глотку, как свинье.

– Может быть, и так, герцог. Но такая тактика оправдывает себя на поле боя.

Герцог Кларенс скривил рот и ничего не ответил.

– Эй, лучник! – окликнул невысокого человечка граф Солсбери.

Вилли-Нос обернулся, за ним обернулись и двое спорщиков. У Вилли было рыжее детское лицо, все осыпанное конопушками. И совсем уже рыжим был большой приплюснутый нос. Солдат вначале оторопел от властного оклика и грозного облика военачальника, но тут же смущенно улыбнулся:

– Вы меня, милорд?

– Тебя-тебя. Как твое имя? – спросил граф Солсбери.

– Вилли-Нос, милорд, – поклонившись, ответил рыжий лицом лучник.

– А поточнее, Вилли-Нос?

– Вильям из Уэльса, милорд.

– Это другое дело, – усмехнулся граф. – Останешься жив, найди меня после битвы. Я тебя отличу. За ум и смекалку, – добавил граф.

Рыжее лицо лучника расплылось в улыбке. К тому времени принц Кларенс уже пустил коня вперед.

– Спасибо, милорд.

– Удачной тебе охоты, Вильям из Уэльса.

– Проклятые французы! – в ту же минуту услышал граф рык герцога Кларенса. Принц обернулся на своего товарища – графа Солсбери. – Сейчас я им покажу, Томас, как дразнить англичан! Кенсингтон, Вудсток, за мной!

Герцог Кларенс уже направлял разом загоревшегося от его вопля коня в лазейку между палисадами; за ним, не медля, последовали два его рыцаря. Через дождь они уже скакали с мечами наперевес в сторону трех французов. Те увидели атакующего противника и построились в ряд, принимая бой.

Граф Солсбери, а вместе с ним и первые ряды войска, затаив дыхание, следили за новой выходкой принца крови. Граф знал, что король недолюбливает брата именно за такие вот сцены. Поддавшись яростному порыву, герцог Кларенс мог совершить любой поступок. О своей жизни в эти минуты он думал меньше всего.

– Мой – средний! – закричал он товарищам. – За кровь Ланкастеров! Да здравствует святой Георгий!

– Да здравствует святой Георгий! – вторила принцу его свита.

Рыцарь герцога Кларенса по имени Вудсток первым налетел на француза, но конь того встал на дыбы, и удар английского меча пришелся по прочной броне, защищавшей грудь животного, скользнул и распорол попону. В ту же секунду палица француза обрушилась на голову Вудстока, смяв шлем в области виска, сбив забрало, бросив нападающего, уже мертвого, с открытым окровавленным лицом – в грязь под ноги обоим коням.

Удар Кенсингтона выбранный им противник отбил небольшим щитом, резко развернул коня, но ответный удар французского меча только зацепил бронированный круп коня англичанина. Последний пролетел вперед; под дождем, в грязи, рыцари развернулись и вновь бросились друг на друга...

В эту минуту герцог Кларенс уже теснил третьего француза. Ловко отражая удары меча, герцог наносил собственные – тяжелым боевым топором на длинной рукояти; каждый такой удар был не только тяжелым, но оставлял вмятины или рассекал сталь щита. Упустить такой удар значило бы подвергнуть себя смертельной опасности. Конь герцога приплясывал под ним и беспрекословно слушался хозяина, понимая каждое его движение. У французского рыцаря был только один шанс – ранить животное под ловким и неуязвимым рыцарем. В эту минуту первый французский рыцарь, оставив сраженного противника, уже скакал на выручку соотечественнику – он стремительно напал на герцога Кларенса, прикрываясь щитом от возможного удара топора и занеся руку с палицей. Еще несколько мгновений, и герцог Кларенс должен был оказаться между врагами. Удар первого противника он отбил щитом, своим же щитом прикрылся и француз, но герцог Кларенс обманул его – он забыл о первом враге; щит герцога прикрыл его от удара второго француза – мощного удара палицей, а боевой топор, взлетев над головой, со всей силы обрушился на открытую спину француза, так быстро разделавшегося с Вудстоком; рассекши панцирь, лезвие вошло на треть, перебив хребет французского рыцаря. Безжизненное, закованное в сталь тело неловко повалилось с припустившего вперед коня...

– Это тот человек, о котором я думаю, господа? – сидя в седле, под балдахином, закрывавшим его от дождя, спросил окруженный свитой Генрих Пятый. Полный гнева, он оглядел своих придворных. – Кто-нибудь мне ответит, это он?

– Да, ваше величество, – ответил один из рыцарей свиты. – Это ваш брат, герцог Кларенс...

– Что же он вытворяет? – бледнея от злости, пробормотал король. Он только сейчас подумал, что придворные мало в чем могут ему помочь. Единственный человек, способный укротить вепря-Ланкастера, это он сам. Король Англии. – Однажды мне придется одеть на него кандалы и заточить в Тауэр!

Тем временем сражение продолжалось. Лошадь под Кенсингтоном была ранена, она присела на задние ноги и вместе с рыцарем повалилась на бок. Рыцарь оказался придавленным, и француз не упустил момента. Развернув своего коня, он пролетел мимо Кенсингтона и, нагнувшись, со всей силы нанес по противнику удар мечом. Падая, англичанин не выпустил своего оружия из рук, и потому, лежа в грязи, придавленный закованным в броню животным, отбил удар. Но второго удара, с другой стороны, отбить не смог. Развернувшись, француз перебил ему правую руку, в которой тот держал меч. Изувеченный рыцарь больше был ему не противник. Француз обернулся на сражавшегося с герцогом Кларенсом товарища в тот момент, когда топор англичанина рассек лошади противника голову. Французский рыцарь упал навзничь, назад, в грязь, раскинув руки, обнажив грудь, покрытую панцирем. Но укрыться щитом он не успел. Топор нависшего над ним герцога Кларенса, брошенный со всей силы, пробил кирасу, кольчугу и войлочную куртку под ней и вошел в грудь рыцаря. Француз так и остался лежать, разбросав в сторону руки. А герцог Кларенс, отстегнув от седла железную палку с зубчатым молотом на длинной цепи, теперь был один на один с последним врагом. Оба рыцаря, сорвавшись с места, съехались что было силы. Француз рубанул мечом по щиту герцога Кларенса, но удар зубчатым молотом на длинной цепи оказался куда коварнее. Молот перелетел через щит и пришелся по затылку рыцаря – по его шлему. Удар оглушил француза. Второй удар молотом, еще более стремительный, пришелся по плечу рыцаря – той руки, в которой он держал щит, раздробив ему кость. Третий – угодил в самое забрало. Щит полетел на землю. Железный шар с шипами ломал кости

через доспехи, которые он разминал, как дубленую кожу. Два последних удара молотом при-
шлись по шлему французского рыцаря, в лоб и темя, проломив тому череп.

– А он молодчина! – сжав руку в железной перчатке, воскликнул английский король. –
Черт возьми, молодчина!

Герцог Йорк и лорд Камой переглянулись. Для них это был петушиный бой, не больше
того. Кубок вина перед настоящим поединком.

– Он славный воин! – с восхищением восклицали в свите короля одни.

– На поле боя герцогу Кларенсу нет равных! – вторили им другие.

Что и говорить, Генрих Пятый был горд за брата-удальца. Такого брата надо еще поис-
кать – головореза, настоящего мясника! Который, как древний кельт, умывается кровью про-
тивника, как родниковой водой, и пьет ее вместо вина...

– И все-таки плачет по нему Тауэр, – усмехнулся король. – Горючими слезами плачет!

Тем временем, перехватив меч из руки смертельно раненного французского рыцаря,
привалившегося на холку своей лошади, а затем и соскользнувшего на землю, герцог Кла-
ренс пришпорил своего коня и понесся в сторону французов.

– Что он делает? – роптала свита. – Безумец!

– Он спятил! – воскликнул Генрих, наблюдая, как Кларенс приближается к рядам про-
тивника. – Теперь он хочет сразиться со всем французским войском?! Хотя, – он обернулся
на Йорка и Камоя, – мой брат, сам того не желая, может сослужить мне немалую службу!

Граф Солсбери, остановивший коня за спинами лучников и уже готовый дать приказ
своим рыцарям вытаскивать из заварухи пылкого товарища, не мог понять, что еще задумал
этот безумец. Неужели он все-таки лишился рассудка, лишился на поле боя, как ему
пророчили многие, от пролитой им же крови, от постоянной и неистойвой игры со смертью,
и решил закончить свою жизнь, налетев на целое войско? Он точно представил себя древним
богом войны, которому под силу сразиться с тысячами противников!

Первый ряд лучников и простых ратников прилип к палисаду, остальные тянули шеи.
Затаив дыхание, все английское войско следило за своим рыцарем, что несся сейчас к стану
французов, под стрелы его арбалетов, на его копыта и мечи.

– Не видать нам его больше! – воскликнул рыжебородый лучник по имени Джек,
что совсем недавно хотел достать стрелой до самых потрохов уже убитого француза.

– Точно, не видать, – откликнулся споривший с ним рябой блондин Джон.

– Это мы еще посмотрим, – обронил коротышка Вилли-Нос.

Держа в руках французский меч, герцог Кларенс, пришпорив коня, стремительно
приближался к войску противника. Сотни полторы его врагов, тоже неотрывно глядевшие
на отчаянного бойца, готовы были в любую секунду сорваться с места и отомстить за убитых
товарищей. Но храбрость англичанина, а главное – его порыв и маневр, который никто не мог
понять, останавливали их. Даже арбалетчики, стоявшие в первом ряду, не смели выпустить
в него ни одной стрелы.

Герцог Кларенс приближался к грозному ряду французских щитов и копий, к двум
гроздам рыцарской конницы по флангам. Он летел к врагу через дождь. Фонтаны грязи
вырывались сзади из-под копыт его коня.

Кларенс уже видел лица французов – простых воинов и всадников, за открытыми
забралами.

Сто шагов, пятьдесят, тридцать...

На всем скаку он швырнул меч убитого им рыцаря вперед – в стан врага, и бешено
закричал:

– Это ваша смерть, французы!

Никто не успел опомниться, а рыцарь, только что казавшийся всем безумцем, уже повернул коня и скакал обратно – к своим. Несколько стрел, выпущенные опомнившимися арбалетчиками, не достали его.

...Услышав неистовый крик англичанина, Карл д, Альбре собрался, точно ему дали пощечину. Сегодняшний день измотал его так, как ни один другой день в его жизни. Он сам готов был поймать этого наглеца, кем бы он ни был, и разрубить его на куски! Что-то серебряное летело через дождь – к его ставке. С нарастающим свистом меч высоко перелетел через первые ряды сгрудившихся воинов, поднявших головы и зачарованно смотревших на него, и, точно молния, брошенная с небес разгневанным языческим богом, с лязгом вонзился в гущу свиты коннетабля.

Карл д, Альбре вздрогнул. Он даже не сразу сообразил, что произошло. Меч сам отыскал свою жертву – с тяжелым хрустом он криво ударил в бок одному из его оруженосцев, выбив из седла, сразив юношу наповал, опрокинув в грязь.

Окружение коннетабля замерло. Никто не двигался с места. Все смотрели на кровавую рану, из которой торчал злополучный меч, на широко распахнутые глаза убитого юноши, на дождь, метко целивший в его открытый на последнем выдохе рот.

Взгляды Карла д, Альбре и герцога Брабантского пересеклись. На коннетабля смотрел и герцог Неверский, точно хотел понять, что же замыслил их главнокомандующий? Не радеет ли он втайне за англичан? Не задумал ли он беды французам? Коннетабль взглянул на Артюра де Ришмона. Молодой рыцарь с ненавистью и презрением смотрел на него. Даже свита коннетабля, и та, как ему теперь казалось, готова была отречься от него. Единственную поддержку он увидел в глазах опытного воина кавалера Луи де Буа-Бурдона.

Но они, два полководца, были в меньшинстве...

И тогда командующий Карл д, Альбре понял, что это сражение – между ним, слугой короля, и первыми баронами королевства Франции – он проиграл.

Коннетабль вытащил меч из ножен и скомандовал:

– Приказываю: займите свои места в войсках и готовьтесь к бою. Мы наступаем...

– Свершилось! – прошептал Генрих. – Свершилось... Мы выманили французского волка из его логова! – Он победоносно взглянул на обоих командующих. – Я вам признателен, что вы хотели предостеречь меня от ошибки. Я не сомневался, герцог Йорк, и вы, лорд Камой, что могу на вас положиться! Англия еще не раз вспомнит добрым словом вашу выдержку!

Только тут оба герцога поняли стратегию своего короля, этого молодого хитреца, не по годам мудрого и прозорливого полководца. Французы не выдержали поединка ожидания. Они сдались первыми. Не англичане – они.

– Увидите на поле брани моего брата, кланяйтесь ему от меня! – весело бросил Генрих. – А теперь, господа, – ваши полки ждут вас. Идите. – Ноздри короля раздувались. – Ступайте же!

Пришпорив коней, герцог Йорк и лорд Камой поскакали в разные стороны. А серая громада французского воинства уже приближалась к ним. Уже ясно можно было различить пехотинцев – спешенных рыцарей с длинными щитами. И едва-едва сдерживающую себя, вот-вот готовую сорваться на стремительный галоп, тяжелую конницу – две стальные тучи по флангам. Французское войско катилось вперед, как штормовая полоса непогоды.

Коннетабль Карл д, Альбре сам вел первую линию спешенного войска. Тесные ряды арбалетчиков, копейщиков, спешенных рыцарей хлюпали по грязи, увязали в ней и продолжали идти. Кто-то падал, выбирался из жижи. Иногда из-за трудности передвижения ряды сбивались, но тут же, под окриками командиров, выравнивались вновь.

И вдруг коннетабль заметил, как оба фланга, состоящие из рыцарской конницы, оплота его войска, стали выбиваться вперед. Боевые кони, терзаемые золотыми рыцарскими шпо-

рами, из шага переходили на рысь, из рыси – в галоп. И вот уже две стальные тучи по флангам, под намокшими рыцарскими стягами, не выдержали и оторвались от первой линии войска.

– Что они делают? – в ярости проговорил он. – Что они делают?!

Управляя конем, в окружении свиты, обнажившей длинные мечи, Карл д, Альбре не видел приближающегося палисада и тучи стрел, выпущенной из-за частокола. Он смотрел на рыцарей, которыми предводительствовали первые бароны Франции. Держа длинные копыя наперевес, рыцари неумолимо приближались к палисаду с обоих флангов. До их столкновения с англичанами остались считанные секунды...

– Поднять щиты!! – громко, у самого его уха, взорвался голос одного из командиров.

– Поднять щиты!! – неслось по рядам его воинов.

Он знал это пение с детства – надрывное пение стрелы. И хорошо знал, когда этих стрел тысячи и они летят на тебя с неба, тихонько подвывая, насвистывая. Карл д, Альбре увидел черное облако над головой и в эту минуту над ним – крышей – вырос щит одного из оруженосцев. Арбалетчики прятались под вытянутые щиты спешенных рыцарей и наемников. Туча стрел впиалась в его месившее грязь, продвигающееся к противнику войско. Он увидел, как покачнулся в седле оруженосец, только что прикрывший его щитом: в плечо юноши, пробив легкий доспех, глубоко вошла длинная, оперенная стрела. Оруженосец хрипло вобрал ртом воздух, покачнулся и повалился с коня в грязь. Карл д, Альбре только мельком увидел его широко открытые, моргающие что есть силы глаза. Оруженосца обходили, старались не смотреть на него. Все равно помочь ему было нечем. Многие, с пронзенными ногами, плечами, остались корчиться в этой грязи, а вторая туча стрел уже взвилась в небо и нависала над войском французов...

Герцог Карл Орлеанский, идущий на англичан в левом фланге, одним из первых пустил своего коня в галоп. Все поле наполнилось звонким веселым чавканьем – это разбивали грязь копыта тысяч коней. Слаженной устрашающей музыкой громыхали доспехи. Давно бы так! – думал он. Тяжелая конница обойдет частокол и ворвется в лагерь англичан с обеих сторон! А спешенные рыцари и копейщики бросятся на этот частокол, прорвут его и помогут им разбить врага. Еще немного, и рыцари поднимут врагов на копыя, как это было в славные времена их дедов, отбросят, а потом возьмутся за мечи, молоты и топоры, которые так соскучились по английским черепам!

Ощетинившийся кольями палисад приближался изломанной линией, точно его сложили из тупых треугольников, глядевших носами вперед; уже чернели в дальних углах и по всей линии палисада прорехи – коридоры для пехоты, на случай ответной атаки. За палисадом толпился настороженный враг. Не каждому дано увидеть и устоять, когда на тебя движется лавина стальной конницы. Да что там! Этой коннице даже мечей не нужно вынимать из ножен, она может просто растоптать, вбить в осеннюю грязь, утопить в ней.

Карл Орлеанский оглянулся по сторонам. Слева был лес, справа простиралось поле. На той его стороне к англичанам тоже приближались конные французские рыцари. Молодого герцога неприятно удивило, что Карл д, Альбре и его спешенное войско здорово отстало. Оно месило грязь где-то далеко в поле, а над ними то и дело зависали черные подвижные облака и тут же срывались вниз. Это был град стрел, которыми осыпали английские лучники французов. Стрелы не только мешали продвижению пешего войска, но и выбивали солдат. И тогда молодой герцог понял, что это не коннетабль отстал от конницы, а они, без всякой поддержки пехоты, забыв обо всем, поддавшись порыву, жажде битвы, легкомысленно вырвались вперед.

Но рыцарская конница уже растягивалась с обеих сторон поля двумя плотными и широкими косами, стремительно двигалась недалеко от частокола, и он, Карл Орлеанский, был захвачен этим движением, этим стремительным, летевшим вперед потоком.

Но если такие тучи стрел поднимаются вверх над английским лагерем, несутся ввысь и падают на пеших французских воинов, почему их не преследует то же самое?

А частокол казался уже на расстоянии вытянутой руки...

Вот тогда Карл Орлеанский и увидел, как над палисадом стали подниматься рыжие, бородатые физиономии англичан, с отброшенными за спину капюшонами; вооруженные непривычно длинными, круглыми луками, они целились в противника...

...Карл д, Альбре оглянулся на фланги. С двумя стальными тучами что-то происходило. Не успев удариться о частокол, тучи худели на глазах, разрывались, стелились по земле. Конница гибла. Лучники! Но сколько их? Тысяча? Две? Больше?

– Прибавить шаг! – зарычал он так, чтобы его услышало как можно больше солдат. – Хотите лечь в этом поле, так и не добравшись до англичан?! Прибавить шаг!!

Коннетабль понимал, что грязь и тяжелое оружие затрудняют движение его солдат. Некстати был и дождь. И ему, главнокомандующему, и его многочисленной свите куда легче было передвигаться на боевых конях, чем основному войску – на своих двоих, но решение атаковать было принято. И назад пути не было. Поэтому стоило поторопиться... Он то и дело забывал о медленно редевшем пешем войске. Несмотря на тучи стрел, взмывавших в небо от лагеря англичан и падавших на его солдат, взгляд Карла д, Альбре притягивали фланги. А именно – рыцарская конница, во все века прославлявшая Францию в боях – на Западе и на Востоке, основа королевского войска. Без которой любому французскому командиру трудно было себе представить победоносное сражение.

Что-то страшное сейчас творилось там...

...Не меньше пяти стрел пробили щит Карла Орлеанского и остановились только благодаря хорошему доспеху – мощной кирасе и наплечникам. Две стрелы прошли насквозь кольчугу и стальные наручи, только чудом не покалечив ему руку. Точно и не с ним происходило все это!

Лучники били не столько по рыцарям, сколько по лошадям. Казалось, этих крестьян за палисадом целая тьма. Без числа. Море луков раскачивалось за частоколом, каждые несколько секунд посылая тысячи стрел, от которых невозможно было увернуться, скрыться куда-то. Бронированные тела летевших мимо палисада коней были усыпаны стрелами, подбитые животные пролетали еще несколько футов и всей, закованной в броню тушей обрушивались в грязь. Или, с диким ржанием, вставали на дыбы, сбрасывая всадников, а потом, разом, опрокидывались навзничь, в ту же жижу и друг на друга. Но чаще – несчастные животные падали на передние ноги. Рыцари перелетали через своих коней. Скакавшие сзади со всей силы налетали на своих товарищей и тоже, вместе с лошадьми, раненные ли, нет, бухались в грязь, ломая руки, ноги и шеи, образуя стальную кашу, выбраться из которой было практически невозможно. А стрелы добивали тех, кто, легко отделавшись, пытался скорее подняться и с мечом в руках броситься на неприятеля.

Только малая часть рыцарей, которую защитили своими телами их же товарищи, ворвалась в лагерь врага, но тут же была встречена конницей англичан. Держа копьё наперевес, впереди французов врубился в ряды английских рыцарей сам Луи де Буа-Бурдон. Встречавшие французов англичане не были вооружены копьями – они сжимали мечи, молоты и секиры. Это и подвело их. Тяжелые французские копья, державшиеся на фокрах, стальных подпорках для копий, привинченных к кирасам, легко выбивали из седла любого противника. Нужно было только не промахнуться – найти роковую для врага точку в его панцире. Копье де Буа-Бурдона первым выбило из седла англичанина, разворотив тому шлем, ничего не оставив от лица. Бросив копьё, де Буа-Бурдон уже держал в руках другое оружие. Три стальных шара с шипами, на длинных цепях, взмыли над головами англичан, первый ряд которых был скомкан напором французов. Обладавший огромной силой, Луи де Буа-Бурдон сокрушал противника – стальные шары ломали руки, державшие мечи, легко сби-

вали забрала, оставляли на шлемах вмятины и дыры, крушили черепа, оглушали лошадей, опрокидывали на землю врагов.

Карл Орлеанский, хоть и летел мимо частокола в первых к нему рядах, уцелел. Остался в живых и его боевой конь, но только благодаря хорошему доспеху и случаю. Правда, конь его был ранен в ляжку двумя стрелами, но мощная броня далеко не пустила английскую сталь, и конь двигался хорошо, быстро. Его копьё ударило в щит английскому рыцарю, но рука англичанина не сдержала удара: щит отвело в сторону, острое копьё вонзилось в край забрала и открыло его, как острый нож открывает плотно сжатую раковину. Ударом сорвало шлем, оглушенный рыцарь вывалился из седла. Выхватив длинный меч, Карл Орлеанский отразил щитом удар другого атаковавшего его рыцаря и погрузил меч в шею его лошади, там, где заканчивался ее стальной шлем-намордник. Вместе с лошадью английский рыцарь упал под ноги своим же, наступавшим на французов, товарищам...

...Добрая четверть солдат первой линии французского пешего войска, которым командовал коннетабль Карл д, Альбре, полегло или было ранено еще на подступах к палисаду. Оставшиеся три четверти порядком устали, топчась в плотном ряду грязь, в полном вооружении продвигаясь к противнику под дождем, поливавшим поле.

Пешим было хуже видно, как обстоит дело на флангах, хотя они то и дело тянули головы: им хотелось знать, какова будет поддержка своей конницы, когда они подойдут вплотную к палисаду. Им хотелось думать, что мощные рыцари сомнут неприятеля, ворвавшись за частокол, примут удар на себя, отвлекут лучников, заставят тех вооружиться топорами. И тут ударят они – замкнув англичан в кольцо.

Но Карлу д, Альбре и немногочисленным конным рыцарям, составлявшим его свиту, картина на флангах, пусть в общих чертах, открывалась куда лучше. Они даже подняли забрала, чтобы не пропустить ничего. Карл д, Альбре видел, что у палисада, где ударила конница, разворачивается самая грандиозная катастрофа, которую он даже не смел себе предположить. Перед его взором гибли те, кто еще недавно, на огненных конях, стойких целые состояния, не находил себе места. Забыв о воинской дисциплине, не ведая ее, готовые записать своего главнокомандующего в предатели, они рвались в бой. И вот они его получили – на свою голову, железными грудями ложась перед палисадом...

– Наши фланги смяты, – громко прошептал ехавший рядом с коннетаблем рыцарь де Вернуа. – Монсеньер...

– Я вижу! – отозвался коннетабль. – Лучше бы я был там! – Теперь на него смотрели все рыцари свиты, кто услышал эту фразу. – Они гибнут быстро, – зло бросил коннетабль, – а нам надо плестись к этим чертовым кольям через все поле! Проклятые бароны, глупцы...

Стрелы, тысячами падающие с неба, мало волновали окружение полководца. Все думали о том, что без поддержки конницы дела их плохи. А на флангах тем временем благородные аристократы расплачивались за гордыню – и расплата эта была скорой, как предательский удар ножа в сердце.

– Если мне кого и жалко, так это кавалера де Буа-Бурдона, – бросил коннетабль рыцарю де Вернуа. – Он не хуже меня знал, чем все это кончится. – И значительно громче прибавил: – Мы идем на смерть, благородные сеньоры, так примем же ее достойно, как это должно сделать французским рыцарям!

Тучи стрел, недавно падающие одна за другой на медленно тающее войско коннетабля, вдруг прекратились. Точно у английских лучников закончились стрелы. Войско коннетабля и частокол англичан разделяло не более семидесяти шагов. Коннетабль понял: стрелы больше не будут градом падать с неба. Теперь их полет станет другим...

– Мы атакуем! – привстав на стременах, выкрикнул коннетабль. – Солдаты, бегом! Смерть англичанам! Да здравствует Франция!

Опустив забрало, он пустил коня легкой рысью, вылетая вперед. Все, что теперь он мог сделать, это подать пример своему войску. Тактика в сложившейся ситуации потеряла какой-либо смысл. От нее не осталось и следа. Впереди их ждала рубка. Английские стрелы, коридоры в частоколе и рубка.

Рыцари свиты коннетабля последовали его примеру – они тоже опускали забрала и вырывались вперед. Было бы признаком трусости закрыть лицо прежде, чем это делает их командир, которого они уважали и которому верили. Особенно теперь, когда его правота становилась все более очевидной. Теперь уже ни для одного рыцаря не было тайной, что на тяжелую конницу, с таким пылом рванувшую к неприятелю на флангах, надежды было мало. Атака конницы захлебнулась так быстро, как захлебывается новорожденный щенок, которого бросают в корыто с водой. Теперь задачей первых баронов Франции, их вельмож и многочисленных рыцарей всех рангов было не сломить противника, не опрокинуть его, а, скорее, погибнуть с честью. Потому что из той мясорубки, которая шла сейчас по обе стороны разбухшего от дождя поля, гордым и самолюбивым французам исхода не было. А спасти жизнь бегством вряд ли бы решился хотя бы один рыцарь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.